

АЛЕКСАНДР ГЕЛЬМАН

ДОСТАВИТЬ
ЛИЧНО

Александр Гельман

Доставить лично!

«Автор»

2026

Гельман А. А.

Доставить лично! / А. А. Гельман — «Автор», 2026

Виктор собирался закончить смену, довезти два супа и вернуться домой. Но короткий путь через старый хлебозавод вывел его в мир с двумя лунами, княжескими гонцами и дорогами, которых нет ни на одной карте. Телефон не ловит сеть. Заряд электромопеда застыл на шестидесяти четырёх процентах. А заработать на хлеб можно тем, что Виктор умеет лучше всего: находить адрес, беречь груз и доставлять вовремя. На княжьей службе его скорость быстро замечают. Теперь приходится прятать мопед, искать пропавшего хранителя дорог и разбираться, кто наживается на разрушенных переправах. Рядом — Мира, землемерка, способная провести через чужой мир и поставить на место самого упрямого курьера. Однажды среди всех его маршрутов появится дорога домой. И впервые Виктор не будет знать, куда ему нужно успеть.

© Гельман А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ещё один заказ	5
Глава 2. До первого человека	7
Глава 3. Чужие деньги	9
Глава 4. Шестьдесят четыре	11
Глава 5. Первая ночь	13
Глава 6. Не показывай богатство	15
Глава 7. Время на вход	17
Глава 8. Девушка с картой	19
Глава 9. Получатель отсутствует	21
Глава 10. Цена медяка	23
Глава 11. Улица без номера	25
Глава 12. Первая дальняя	27
Глава 13. День, которого не было	29
Глава 14. Чистая тряпица	31
Глава 15. Прокол	33
Глава 16. Попутчица	35
Глава 17. Обратная загрузка	37
Глава 18. Цена скорости	39
Глава 19. Пустая строка	41
Глава 20. Княжий гонец	43
Глава 21. Два темпа	45
Глава 22. Закрытая дорога	47
Глава 23. Комната над кухней	49
Глава 24. Под чужой печатью	51
Глава 25. Передача по цепочке	53
Глава 26. Лишний груз	55
Глава 27. Переправа	57
Глава 28. До закрытия ворот	59
Глава 29. Доставлено лично	61
Глава 30. Плата за дорогу	63
Глава 31. Что ты мне должен	65
Глава 32. Обратный адрес	67
Глава 33. Жалованье хранителя	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Гельман

Доставить лично!

Глава 1. Ещё один заказ

За шестнадцать минут до конца смены Виктор получил суп.

Два супа в высоких бумажных стаканах. Сначала их поставили друг на друга, потом передумали и затолкали рядом, растянув тонкий пакет до белых полос. Виктор смотрел на эту конструкцию и прикидывал, какой поворот она не переживёт.

Виктор приподнял пакет над прилавком.

— Дно мокрое.

Девушка в чёрном фартуке не оторвалась от планшета.

— Это конденсат.

— Конденсат с укропом?

Она посмотрела. Вдохнула. Забрала пакет.

За спиной Виктора кто-то раздражённо переступил. Вытяжка гудела, пахло горячим маслом. На экране телефона время до вручения уже стало оранжевым. Приложение уже считало время доставки. Его не интересовало, что заказ ещё стоял на стойке.

Виктор сделал фотографию мокрого дна. Не для жалобы — на случай, если жалоба прилетит ему.

В двадцать девять лет он знал немало полезного. В какой арке нет ворот, какой охранник пустит через служебный вход, в каком доме два третьих подъезда и где слово «выйду» означает минимум восемь минут. Из всех этих знаний труднее всего ему досталось простое: чужая спешка не делает исправной твою вещь.

Пока перепаковывали, он проверил маршрут. Новостройка за рекой. Восемь километров, светофоры, объезд у стройки. Если пересечь дворы старого хлебозавода, можно выиграть четыре минуты.

На улице мелкий дождь прилипал к лицу. Виктор закрепил термосумку на багажнике и протёр большим пальцем дисплей электромопеда. Шестьдесят четыре процента. До дома хватит, если не гнать.

Мопед был чёрный, тяжёлый, с широким сиденьем, маленькими толстыми колёсами и следами изоленды на правом зеркале. На педали Виктор не рассчитывал: при разряженной батарее они позволяли преимущественно осознать собственную слабость. Зато низкую раму было удобно перешагивать раз сорок за день.

— Ну что, Бублик, последний.

Имя появилось после прокола. Тогда коллега увидел снятое колесо и сказал, что оно годится исключительно на витрину пекарни. С тех пор Бублик пережил замену контроллера, один спор с такси и зимнюю парковку в прихожей. На нём оставалось выплатить два месяца рассрочки.

У хлебозавода пахло мокрым кирпичом. Обычные ворота оказались закрыты. Виктор остановился, увеличил карту и увидел тонкую серую дорожку вдоль корпуса.

Проход он помнил. Узкий, неудобный, с трубой на уровне плеча. Но к дороге выходил. У клиента в комментарии было: «Не звоните, ребёнок спит». Если успеть до конца дождя, можно будет оставить пакет у двери и не отмывать коврик от колёс.

Фара выхватила лужу, ломаную тень пожарной лестницы и арку в дальней стене. За аркой стоял свет — не фонарь, а ровная белизна, словно там висела простыня.

Виктор сбросил скорость.

— Этого тут не было.

Он успел нажать тормоз.

Свет подался навстречу.

На мгновение стало так тихо, что Виктор услышал застёжку собственного шлема. Переднее колесо провалилось вниз, руль дёрнулся, и мопед понёсся по камням. Виктор выжал оба тормоза, выставил ногу и ударился коленом о землю.

Мотор замолк.

За спиной больше не было арки.

Там росло дерево. Толстое, чёрное, с раздвоенным стволом. Между стволами лежал серый валун, оплётённый корнями. От камня поднимался пар.

Виктор сидел на мокрой траве и смотрел на него.

Дождя не было.

Над лесом желтела большая луна, а чуть левее висел бледный неровный серп. Обе были видны совершенно отчётливо.

Виктор осторожно снял шлем. Потрогал затылок. Посмотрел на ладонь.

Крови не было. Боли в голове тоже. Колено саднило очень убедительно.

Он достал телефон.

«Нет сети».

Точка на карте осталась у хлебозавода. До вручения — девять минут.

Виктор некоторое время смотрел на экран, потом поднялся и обошёл дерево. С другой стороны были кусты. За кустами — лес. Он посветил телефоном между корнями, потрогал камень и немедленно отдёргнул пальцы: тот был холоднее льда.

В кармане коротко завибрировало.

Приложение сообщило, что клиент уже ждёт.

Виктор сел обратно на траву.

— Придётся подождать, — сказал он.

Голос прозвучал негромко и совершенно обыкновенно. От этого стало страшнее.

Глава 2. До первого человека

Первые полчаса Виктор пытался вернуться.

Он водил мопед вокруг дерева, проезжал между стволами, пятился по собственным следам и светил на валун с разных сторон. Ничего не происходило. Один раз зацепился багажником за корень и уронил Бублика. Поднимал его долго, ругаясь вполголоса.

Потом сел и открыл суп.

Суп ещё не остыл. В коробе уцелел второй стакан, но Виктор не мог на него смотреть: так хотелось, чтобы за этим совершенно обычным ужином последовало совершенно обычное возвращение домой. Пластиковая ложка дрожала у него в пальцах. Он заставил себя съесть половину, выпил воды и пересчитал вещи.

Телефон. Пауэрбанк, почти пустой. Зарядный провод. Кошелёк с двумя тысячами рублей. Паспорт. Связка ключей. Тонкий дождевик. Перчатки. Мультиутул, насос, заплатки для камер, стяжки, рулон изолянта. В боковом кармане сумки — четыре салфетки и пакетик сахара, неизвестно сколько ездивший по городу.

Всё это вдруг стало имуществом, которое невозможно купить заново.

Виктор выключил телефон.

С трудом.

На заставке стояла фотография матери: она держала огромный кабачок и смеялась, пока он пытался уместить в кадр и её, и урожай. До этого вечера Виктор раздражался, что она каждую осень навязывает ему овощи.

Он убрал телефон глубже в карман.

Сначала люди. У людей еда, крыша и объяснения. Даже плохие объяснения лучше леса.

Тропа спускалась между елями. Виктор катил мопед вручную: фара выдавала слишком узкий кусок дороги, а каждое белое пятно среди стволов казалось лицом. На первом повороте он связал на ветке полоску салфетки. На втором поставил камень на пень. В незнакомых дворах он всегда отмечал обратный выход. Здесь привычка оказалась особенно кстати.

К рассвету деревья поредели.

За ними лежало поле, а в поле стояла телега на высоких колёсах. Одно колесо провалилось в канаву. Возле телеги возились седой мужчина и женщина с красным платком на голове.

Виктор остановился за кустом.

На мужчине был длинный стёганный жилет. У пояса висел нож. Женщина бранилась словами, которые Виктор понимал, хотя в её речи всё время слышалось странное растянутое «о».

— Под обод клади, Тиса. Под обод, чтоб тебе пусто было!

— Сам и клади, если такой умный. Я тебе лошадь держу или корову дою?

Лошадь смотрела в пространство с выражением существа, которое знало их обоих достаточно давно.

Виктор прикрыл мопед дождевиком и вышел из-за кустов.

— Помочь?

Мужчина выпрямился. Женщина отпустила повод и взяла из телеги короткую палку.

Это движение Виктору не понравилось. Оно было быстрым и привычным.

Он поднял пустые руки.

— Я заблудился. Могу подтолкнуть.

Тиса окинула его взглядом: шлем, куртка со светоотражающими полосами, штаны с грязным коленом.

— Чей будешь?

— Виктор. Сам по себе.

— Таких не бывает.

С этим сейчас было трудно спорить.

Мужчина всё-таки позволил ему взяться за колесо. Они подложили ветки, качнули телегу, потом ещё раз. Виктор едва успел убрать пальцы, когда колесо выскочило на дорогу.

— Ну, руки у тебя свои, — признал мужчина. — Уже хорошо.

Тиса убрала палку и дала Виктору ломоть хлеба.

Он откусил слишком быстро. Она заметила.

— Давно ешь воздух?

— С вечера.

— Врёшь плохо. Садись, довезём до развилки. Там Бережск, если город тебе нужен.

— Мне бы ещё вещь забрать.

Он показал на кусты.

Когда Бублик появился на дороге, мужчина попятился. Тиса шагнула вперёд, прищурилась и постучала костяшками по раме.

— Богатая штука. Куда оглобли крепятся?

— Я сам его толкаю.

Она посмотрела на мопед, потом на Виктора.

— Тогда тяжёлая у тебя жизнь.

Глава 3. Чужие деньги

На развилке стоял столб с тремя дощечками. Виктор узнал цифру, похожую на шестёрку, но остальные значки не сложились ни в одно слово.

Слышать он мог. Читать — нет.

Эта новость была хуже, чем хотелось признавать. Без карты он ещё мог работать. Без адресов — уже с трудом.

— Что написано? — спросил он как можно небрежнее.

— Бережск. Нижняя мельница. Солёный путь. — Тиса смотрела на него без улыбки. — Чужеземец?

— Очень.

— Паспорт есть?

Он слишком резко полез в нагрудный карман. Тиса проследила за рукой. Виктор остановился: показывать незнакомым людям единственный документ, который невозможно восстановить, не стоило.

— Есть.

— Княжья печать?

— Нет.

— Тогда пока нет.

Они свернули к низкому дому возле ручья. Над дверью висела вырезанная из дерева утка. Мужчину звали Дорн, он держал две телеги и возил муку. Тиса кормила тех, кто ехал с ним, а также всех, кто мог заплатить.

Виктор не мог.

Он показал рублёвую монету. Дорн покрутил её, попробовал ногтем и вернул.

— Жетон хороший. В городе медник возьмёт.

Тиса поставила перед Виктором миску каши.

— За колесо. Потом дрова сложишь.

В помещении пахло хлебом, дымом и мокрой шерстью. У печки дремал человек с перебинтованной кистью. На окне сидела полосатая кошка с совершенно обычными двумя глазами. Кошка открыла один глаз, оценила его и снова уснула. Виктор осторожно протянул руку. Она позволила почесать шею; за это он был ей неожиданно благодарен.

Он спросил о лесе и камне между деревьями.

Дорн перестал жевать.

— На Старой гати?

— Не знаю, как называется.

— Там чужих троп хватает, — сказала Тиса. — Больше туда ночью не суйся.

Виктор попробовал спросить ещё, но снаружи послышались шаги.

Вбежала девочка лет двенадцати. Платок съехал ей на шею, на щеке блестела слеза.

— Тётка Тиса, у нас опять. Мама говорит, траву. У лекаря. И чтоб скорее.

Тиса тут же поднялась. С полки достала обёрнутый тряпицей пузырёк, подержала против окна и выругалась.

— Пусто. Дорн, лошадь распряг?

— Она передок тянет. Я ковалю обещал.

— Пешком быстрее, — сказала девочка. — Только у меня...

Она посмотрела на свою ступню. Ремешок кожаной обуви лопнул, пятка была в крови.

Виктор отодвинул миску.

— Куда бежать?

Тиса повернулась.

— Лекарь в Посадцах. Дорога мимо ив, потом мост, потом...

— Стоп. Что нужно взять, кому отдать, сколько заплатить?

Она моргнула.

— Сонный сбор для Лады, дочери гончара. Лекарь знает. Три медяка.

— Пузырёк этот?

— Этот.

— А гончар где?

Девочка ответила первой:

— Дом с белой трубой.

Виктор глянул в окно. Над крышами поднимались четыре белые трубы.

— Как зовут твою маму?

— Рена.

— И что рядом с домом?

— Кривая груша. А забор синий.

— Теперь найду.

Тиса положила перед ним монеты. Виктор пересчитал, попросил чистую тряпицу для пузырька и спрятал её в карман. Мопед оставался за сараем. Днём, на дороге, его увидели бы все.

До Посадцев оказалось около двух километров. Виктор пробежал первую половину, потом перешёл на шаг. Колено уже напоминало, что вчерашнее падение никуда не делось.

У лекаря был хвост.

Длинный, тонкий, в тёмных полосах. Он медленно двигался по полу, пока пожилой человек с узкими ушами отвешивал траву.

Виктор смотрел на хвост всего секунду. Потом отвёл взгляд.

— Ладе, дочери гончара. Рена прислала.

Лекарь поднял голову.

— Пузырёк покажи.

Хвост Виктор решил обдумать по дороге.

Сейчас получатель ждал.

Глава 4. Шестьдесят четыре

Рена открыла дверь раньше, чем Виктор успел постучать во второй раз.

— Где Нелька?

— У Тисы. Ногу натёрла. Вот лекарство. Лекарь сказал: восемь капель в воду, не больше, и вечером привести девочку к нему, если сможет идти.

Он повторил это дословно. Ещё у лекаря заставил себя проговорить вслух, чтобы не перепутать по дороге.

Рена взяла пузырёк обеими руками. В глубине комнаты, на широкой лавке, лежал ребёнок. Из-под одеяла торчала худенькая рука.

Виктор вышел и только за воротами позволил себе остановиться.

Он всё ещё слышал Ренино «спасибо». Дома ему чаще кивали, иногда ругали за задержку, а здесь женщина прижала лекарство к груди и на секунду закрыла глаза. Виктор боялся, что она ждёт от него уверенности в результате. Этого он дать не мог.

Он не знал, понравилось ли ему это.

Тиса дала за работу ещё два медяка и место на сеновале.

— Сбор дорогой, — сказала она. — Я тебе с ночлегом зачту. Пока.

— А работу здесь где находят?

— Кто что умеет.

— Доставлять умею.

— Так это всякий дурак умеет. Взял да принёс.

Виктор посмотрел на неё.

— У тебя три одинаковых пузырька. Один нужен сейчас. Лекарь в другом посёлке. Адрес — «белая труба». Дорога с развилкой, мост качается, деньги отданы под расчёт. Давай пошлём первого дурака, сравним.

Тиса хмыкнула.

— Зубы тоже свои. Ладно, в княжьем дворе гонцы нужны. Только чужого без поручителя не возьмут.

Виктор хотел спросить о поручителе, но зевнул так широко, что едва не свело челюсть.

Проснулся он после полудня. В щель крыши падала полоска света. Где-то внизу возился Дорн. Первые несколько секунд Виктор лежал спокойно, уверенный, что находится у матери на даче.

Потом вспомнил.

Телефон показывал двадцать один процент. Никаких сообщений. Он попробовал экстренный вызов, дождался отказа и снова выключил экран.

За сараем Бублик стоял точно там, где его оставили. Виктор выкатил его к лесу, отошёл от дома и нажал кнопку питания.

Шестьдесят четыре.

Он нахмурился. С ночи было столько же. Но ночью он почти всё время катил мопед руками.

Впереди тянулась твёрдая дорожка вдоль ручья. Виктор оглянулся, сел и осторожно повернул ручку газа.

Бублик поехал.

Мир сразу стал понятнее. Руль под ладонями, знакомый гул, камешки под покрывками. Виктор добрался до поворота, развернулся и проехал обратно. Потом ещё раз. Потом нашёл длинный подъём и поднялся на полной тяге.

Шестьдесят четыре.

На верхней точке он остановился. Батарея обычно теряла проценты даже от обиды, а под его весом на таком уклоне обязана была просесть хотя бы на деление.

Виктор выключил питание. Подождал. Включил.

Шестьдесят четыре.

Он постучал по дисплею. Указатель однажды зависал и дома; тогда Бублик остановился посреди подъёма, уверяя, что запас ещё есть. С тех пор Виктор верил цифрам только вместе с пройденным расстоянием.

Он присел возле корпуса. Пластик был цел. Провода не пахли гарью. В щели у замка батареи застряла белая крупинка, похожая на соль. Виктор поддел её ногтем.

Крупинка рассыпалась, и по пальцу пробежало слабое покалывание.

Он вытер руку о штаны.

Солнце уходило за деревья. Внизу светилась крыша постоянного двора. Виктор вспомнил лошадь Дорна, натёртую девочкину пятку, качающийся мост.

Если показания не врут, он здесь мог зарабатывать.

Если врут — всё равно придётся научиться.

Глава 5. Первая ночь

Вечером Дорн спросил, зачем Виктор ходит вокруг сарая.

— Проверяю, всё ли на месте.

— А куда денется?

Виктор хотел сказать про воров, но вовремя вспомнил, что живёт здесь из милости. Пожилой возчик и так пустил его на сеновал, позволил занять сарай странной железной вещью и ни разу не потребовал показать, что лежит в сумке.

— Привык. Дома у меня однажды колесо сняли.

Дорн задумался.

— С телеги?

— Вроде того.

— И далеко они на одном колесе уехали?

Объяснять, как устроена торговля краденными запчастями, Виктор не стал. Вместо этого помог втащить в сарай два мешка муки. Дорн подхватывал свой мешок под низ и забрасывал на плечо одним движением. Виктор попытался повторить, чуть не опрокинулся и услышал за спиной сдержанный смех.

— Бери за уши. Спину сорвёшь — кто твою телегу толкать будет?

В сумерках вдоль ручья зажглись голубоватые огоньки. Виктор сперва принял их за фонари. Но огни перемещались слишком низко, расходились, собирались снова. Один поднялся к окну и оставил на стекле влажный след.

— Речницы, — сказал Дорн. — После тёплого дня выходят.

— Кусаются?

— Эти нет. Большие — да.

Он произнёс это без особого интереса. Виктор решил закрыть щель у изголовья.

После ужина Тиса принесла старое одеяло. Расправила на сене, проверила, не торчит ли из стены гвоздь, и поставила рядом деревянную чашку.

— Вода. Ночью по лестнице не бегай. Ступень внизу скользкая.

— Сколько я тебе уже должен?

Она назвала сумму. Виктор пересчитал монеты в кармане. Получалось, что даже лекарство и телега покрыли не всё.

— Я отдам.

— Так я потому и считаю, что отдашь. Если бы думала иначе, не считала бы.

Он посмотрел на неё, пытаясь понять, где заканчивается забота и начинается хозяйский расчёт. Похоже, Тиса никогда не считала нужным их разделять.

Когда она ушла, Виктор снял мокрые кроссовки и достал бумажник. Разложил перед собой банковские карточки, проездной, фотографию на паспорт. На фотографии был человек с дурным выражением лица и большим выбором дальнейших неприятностей. Ни об одной из сегодняшних тот ещё не подозревал.

Виктор сунул карточки обратно. Вытащил ключ от квартиры и долго вертел его в пальцах.

Мать позвонит в воскресенье. Если он не ответит, напишет. Потом позвонит брату. Брат сначала скажет, что Виктор опять уснул после смены, а на следующий день поедет к нему. У брата есть второй ключ.

Квартира будет пустой.

Виктор лёг на бок и сжал ключ так сильно, что зубцы отпечатались на ладони. Он не плакал, но никак не мог нормально вдохнуть. Из кухни доносился стук посуды. Дорн смеялся над чьим-то рассказом. У них продолжался обычный вечер.

Он встал, нащупал лестницу и спустился во двор.

Бублик стоял под навесом, накрытый дождевиком. Виктор проверил тормоз, хотя проверял его час назад. Поправил провод у фары. Вытер сиденье сухим рукавом.

Возле двери остановилась Тиса.

— Не спится?

Он покачал головой.

Она не стала спрашивать. Поставила на ступеньку вторую чашку и села рядом. Некоторое время они молчали, слушая ручей.

— Завтра в городе держись правее у ворот, — сказала она наконец. — Слева возчики. Они на тебя не посмотрят.

Виктор кивнул. Поднёс чашку к лицу. В ней пахло мятой.

Завтра у него было дело. До завтра требовалось просто дожить.

Глава 6. Не показывай богатство

На следующий день Виктор прошёл в Бережск пешком.

У ворот пахло конским навозом и горячей смолой. Ночью ремонтировали створку: один из плотников ещё спал на бревне, прикрыв лицо шапкой. Люди двигались между телегами, ругались, торговались. Над стеной торчали деревянные крыши и высокая башня с часами без стрелок: по белому кругу медленно ползла чёрная тень.

Виктор не задержал на ней взгляд. Пока он был слишком замечен сам.

Тиса дала ему старую серую накидку. Под ней куртка почти не выделялась. Шлем остался в термосумке, а мопед — в кустах у заброшенной сушильни, за полверсты от города. Точное расстояние Виктор не знал. Здесь мерили верстами, шагами и выражением «рукой подать», которое не заслуживало доверия ни в одном мире.

На заставе с него взяли медяк.

— За проход?

— За вход, — уточнил стражник.

— А обратно?

— Обратно выход.

Это прозвучало почти утешительно.

Тиса велела найти Саву, старшего над малыми гонцами. Дорогу объяснила обстоятельно: через Рыбный ряд, затем вдоль стены, к воротам с медным ясеневым листом.

Рыбный ряд Виктор нашёл по запаху. Стену — по огромному серому пятну над крышами. У ворот с листом его развернули.

— Приём через нижний двор.

— Где он?

— Обойди.

Виктор обошёл. На это ушло двадцать минут. В переулке его остановила собака. Виктор не побежал, медленно отступил к углу и дождался, когда хозяйка уведёт её за ошейник.

В нижнем дворе человек в синем кафтане сидел на бочке и стругал палочку. Одного уха у него не было, а на месте двух пальцев левой руки торчали короткие обрубки.

— Сава?

— Кому?

— Виктор. От Тисы с Утиног двора.

— Долг?

— Работа.

Сава поднял глаза.

— Лошадь есть?

— Нет.

— Читать умеешь?

Виктор помолчал.

— Не ваши буквы.

— Драться?

— Лучше бегаю.

Палочка перестала скрипеть под ножом.

— Это разумно. Но гонец без грамоты мне зачем?

Виктор оглядел двор. У открытой двери лежали свёртки. Двое мальчишек спорили над дощечкой с зарубками. Женщина с корзиной уже в третий раз пыталась привлечь внимание писца.

— А зачем у вас та женщина полчаса стоит?

— Потому что ей приспичило посылку отослать.

— Куда?

— Вот и спроси.

В корзине были пирожки для сына, который стоял в карауле у западной башни. Писец отказывался принимать их: княжий двор занимался государевыми поручениями. Женщина отказывалась уходить: башня была государева, а сын служил князю.

Виктор уточнил имя, место смены и время, когда караульного отпустят. Попросил женщину завязать узел на покрывавшей корзину ткани. Затем выяснил у мальчишек, кто идёт к западной башне.

Оказалось, один из них через четверть часа понесёт туда ключи.

— Вот ему и отдайте. Только сначала спросите, сколько за труд.

Проблема исчезла за три минуты.

Сава проводил женщину взглядом.

— Ты сейчас устроил торговлю в княжьем дворе.

— Нет. Я освободил вход.

Сава спрятал нож.

— Завтра к первому колоколу. Дам тебе пробу. Опоздаешь — уходи сразу.

Виктор кивнул.

— И ещё, чужак.

Он обернулся.

Сава показал на край куртки, выглянувший из-под накидки.

— Эту светящуюся ткань спрячь. У нас за богатым человеком сперва смотрят, потом идут. Я бы тебе советовал обойтись без второго.

Глава 7. Время на вход

От княжьего двора Виктор не сразу пошёл к воротам.

Он вернулся к горшечному рынку и проверил проход между пустой пекарней и домом свечника. Отодвинутая доска тёрлась о стену; под ногами лежала битая черепица. В узком месте следовало повернуться боком. С большой сумкой уже не пройти, если не снять её с плеч.

Виктор мысленно отметил это и вышел на другую сторону. Здесь торговали луком и сухими грибами. Женщина с тремя корзинами пыталась одновременно удержать ребёнка и договориться с грузчиком.

— Два медяка, — говорил грузчик. — Два двора пройти.

— Ты вчера за медяк носил.

— Вчера три корзины были полные. Сегодня они полные и мокрые.

Виктор обогнул их и чуть не попал под длинное корыто, которое несли двое подмастерьев. Пришлось отступить к стене. Здесь тоже был свой час пик, только вместо автомобилей людям мешали чужие локти, корзины и хвосты.

Хвост принадлежал молодому торговцу углём. Тот привязал к кончику маленький колокольчик; когда покупатель пытался унести больше оплаченного, хвост звенел у его руки. Виктор задержался ровно на столько, чтобы понять: торговец шевелит им сам.

Мир постепенно переставал быть сплошным набором чудес. У чудес были работа, усталость и очень обычное желание заработать.

У городских ворот Виктор засёк время по тени на башне. Получилось плохо. Тень двигалась медленно, делений он не понимал. Телефон доставать на людной улице не хотелось.

Он прошёл путь до нижнего двора ещё раз, считая шаги. Возле собаки взял правее, у лавки с горшками свернул раньше. Дошёл быстрее. На третьем повороте обнаружил закрытую калитку, которая утром была открыта.

На калитке сидел мальчик и ел морковь.

— Её когда закрывают?

— Когда дядя Кривой просыпается.

— А просыпается он когда?

Мальчик пожал плечами. Морковь была для него гораздо важнее.

Такой проход годился для удачи, но не для срока. Виктор вернулся, нашёл обход через двор с голубятней и запомнил трещину в штукатурке над входом. Пять лишних минут лучше получаса перед запёртой дверью.

У сушильни его ждал неприятный сюрприз: дождевик лежал на земле.

Виктор бросился к мопеду, едва не поскользнулся, проверил замок, сумку, инструменты. Всё оказалось на месте. На мокром сиденье виднелись маленькие птичьи следы. Ветром сорвало край, птица решила проверить.

Он прислонился к стене и выдохнул.

Раньше Бублик был дорогой вещью, которую в крайнем случае можно заменить. Теперь одна сорванная тряпка заставляла Виктора чувствовать себя человеком, потерявшим дом.

В сумке ещё лежал пустой стакан из-под супа. Он собирался выбросить его, но не выбросил. Вытер, расправил крышку и поставил в угол сушильни. Стакан годился для мелких деталей. Надпись с названием кафе ничего здесь не значила, а ему почему-то помогала.

Возвращаясь к Тисе, Виктор не стал включать фару на открытом участке. Дождался, когда последняя телега скроется за поворотом, и только тогда сел.

Сумерки пахли прелой травой. Ветер охлаждал лицо. На миг дорога стала совсем домашней: едешь после смены, сил мало, в голове крутишь завтрашние дела.

Потом над полем поднялись две луны.

Виктор сбросил скорость и до самого двора ехал уже не оглядываясь.

Глава 8. Девушка с картой

К первому колоколу Виктор успел с запасом.

Он заранее проверил дорогу от сушильни до нижнего двора, нашёл проход через горшечный рынок и запомнил, где собака сидит на цепи, а где только притворяется. Бублик остался за закрытыми воротами сушильни. Вчера Виктор обнаружил, что засов можно поднять снаружи длинной щепкой. Сегодня привязал к нему тонкий шнур.

Сава выдал три поручения.

В кожевенный двор — пустой мешочек с печатью. В красильню — медный жетон. На северную заставу — деревянную дощечку.

— Вернёшься до полудня. С каждого получишь ответ.

Виктор разложил предметы на лавке.

— Кто принимает?

— Люди.

— Сава, я не увижу по человеку, что он нужный.

Старший гонец посмотрел на него внимательнее.

— Кожевник — Ард. Красильщица — вдова Лея. На заставе старший Рудый.

— Если их нет?

— Жди.

— Сколько?

Сава вздохнул.

— Пока не поймёшь, что пора бежать обратно.

Из комнаты за его спиной раздался смешок.

На пороге стояла девушка с рулоном плотной бумаги под мышкой. Тёмные волосы были заколоты двумя деревянными палочками. На пальце — пятно синей краски, на щеке — тонкая царапина. На её дорожном плаще высохли брызги глины. Один сапог был подшит светлой ниткой; шов захватывал край старого повреждения. Виктор заметил это раньше, чем успел рассмотреть её лицо.

— Дай ему карту, — сказала она. — Утро скучное. Посмотрим, куда он по ней попадёт.

— Мира, не мешай.

— Я помогаю.

Она развернула лист на лавке. Виктор склонился над ним.

Город был нарисован красиво: башни, стены, река с волнами. Самые важные улицы обозначены широкими полосами. Остальные тонули среди декоративных крыш.

— Здесь север? — спросил Виктор.

— Здесь верхняя дорога.

— А солнце встаёт с какой стороны?

Мира показала. Виктор мысленно повернул карту.

— Мне нужен вот этот проход, за горшечным рынком.

— Там нет прохода.

— Есть. Я только что пришёл.

Она нахмурилась и наклонилась ближе. От неё пахло кожей, сухой травой и чем-то горьковатым.

— Между домом свечника и пустой пекарней?

— Да. Доску от стены отодвинули. Люди ходят.

Мира достала из-за уха короткий карандаш. Настоящий, хотя и неровный.

— Сколько там ширины?

Виктор показал руками.

— С корзиной пройдёшь. С тачкой — нет.

Она сделала пометку.

— А ты кто?

— Курьер. То есть гонец.

— Странно. Обычно мне сразу сообщают, что я рисую неправильно.

— Я ещё не всё посмотрел.

Сава кашлянул.

Виктор отступил от лавки, завернул предметы по отдельности и разложил в карманы. Сначала застава, самая дальняя точка. Потом кожевник. Красильня — по обратной дороге. Получался круг, без лишних пересечений.

— В обратном порядке пойдёшь? — спросил Сава.

— Ты срок дал общий. Или где-то ждут раньше?

— Нет.

— Тогда так короче.

Мира проверила его круг по карте. На одной развилке задержала палец, что-то пересчитала про себя и отодвинула лист, освобождая ему место у лавки.

Виктор увидел эту улыбку и совершенно некстати подумал, что остался в другом мире без зубной щётки.

Глава 9. Получатель отсутствует

На заставе Рудый нашёлся сразу. Он взял дощечку, перевернул её и дал Виктору другую, с чёрной полосой по краю.

Виктор убрал её отдельно от остальных вещей.

— Что-нибудь передать словами?

— Передай, что западное колесо треснуло. До ярмарки менять надо.

Виктор повторил. Рудый кивнул и вернулся к воротам.

У кожевенного двора было хуже.

Ард уехал. Куда — никто не знал. Когда вернётся — тоже. Пожилой работник протянул руку к мешочку.

— Давай сюда. Я передам.

— Тебя как зовут?

— А тебе зачем?

— Сказать, кому отдал.

Работник нахмурился.

Виктор не отдёргнул руку, не повысил голос. Просто стоял с мешочком и ждал. Мешочек он держал за завязки. Достаточно отдать его сейчас — и потом придётся ловить незнакомца по всему кожевному двору.

— Мест. Я тут старший.

— Чем подтвердить можешь?

Мест покраснел.

Из мастерской вышла женщина в кожаном переднике и рассмеялась.

— Старший он. Со вчерашнего дня? Ард на пристани, чужак. Барку встречает. Скажи: маленький мешочек из княжьего двора. Он сам сюда прибежит.

Виктор поблагодарил и ушёл.

Мест вслед не кричал. Только сплюнул.

На пристани Ард действительно нашёлся. Получив мешочек, он впервые за разговор посмотрел Виктору в лицо.

— Другим не давал?

— Нет.

— Хорошо.

Ответом стала костяная пластинка с вырезанным знаком. Виктор запомнил похожую на крючок отметину и убрал пластинку к пустой обёртке мешочка.

У красильни вдова Лея оказалась живой, сердитой и совершенно не склонной принимать медный жетон.

— Опять? Я вчера платила!

Виктор выслушал историю о сборщике, ткани, протёкшем котле и родственниках княжьего казначея. Ничего из неё не понял, кроме того, что виноват не он.

Раньше ему бы захотелось сказать это вслух. Теперь он просто спросил:

— Какой ответ передать Саве?

Лея замолчала.

— Что?

— Я могу точно повторить, но лучше коротко.

Она посмотрела на него с неожиданным сочувствием, забрала жетон и дала нитку с тремя синими узлами.

— Скажи: плачу за красильню, за склад не плачу, он пустой. А Саве чтоб спину грел, дождь к ночи будет.

До полудня оставался почти час, когда Виктор вернулся во двор.

Сава выложил ответы на лавку. Выслушал про колесо, пристань и пустой склад. На имени Места усмехнулся.

— Брат у кожевника. Игрок. Ард велел ему ничего не давать.

— А ты мне этого не сказал.

— Проверял.

Виктор помолчал.

— Если проверять будешь на настоящих письмах, когда-нибудь потеряешь письмо.

Сава поднял голову. Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Я запомню, — сказал старший гонец наконец.

Он достал из кошелька шесть медяков.

— За пробу. Завтра явишься снова.

У выхода Виктора догнала Мира.

— Ну?

— Карта красивая.

— А если без любезности?

— Три прохода не нарисованы. И к пристани лучше спускаться от булочника: там ступени шире.

Она протянула ему листок.

— Покажи.

Виктор взял карандаш. Он начал рисовать и заметил, что Мира придерживает лист совсем рядом с его рукой. Переулок пришлось перечертить: первый раз получился тупик.

Глава 10. Цена медяка

Первую заработанную плату Виктор не потратил.

Он разложил шесть медяков на краю кровли сарая и принялся выяснять, сколько они на самом деле стоят. У монет были разные толщины, одна почернела, на другой кто-то процарапал крест. Продавщица лепёшек взяла почерневшую без спора, а монету с крестом отказалась даже трогать.

— Резаная.

Виктор повертел её.

— Где?

Она показала на край. Тот и вправду был подпилен.

Сава выдал ему плохие деньги? Виктор уже хотел вернуться, но продавщица перехватила его взгляд.

— В меняльной возьмут по весу. Так всю жизнь ходят. Ты раньше денег не видел?

— Этих — мало.

Она положила лепёшку на прилавок. Подумала и добавила кусочек сыра.

— За первый раз. Потом смотри сам.

На сапоги шести медяков не хватало с большим запасом. Новые стоили столько, что Виктор сперва решил: сапожник назвал цену за всю лавку. Подержанные были дешевле, но большинство подержанных уже не могли убедительно притворяться сапогами.

— Эти ещё сезон проходят, — уверял торговец, сгибая голенище.

Из подошвы высыпалась земля.

— Они уже свой прошли, — сказал Виктор и отдал пару.

В соседней лавке продавали ремни, металлические скобы, заплатки для сбруи. Виктор спросил о тягучем материале, который держит воздух и после растяжения возвращается на место. Хозяин выслушал его, достал пузырь высушенной рыбы и торжественно надул.

— Вот.

Виктор посмотрел на рыбный пузырь. Представил его в колесе. Потом — себя на обочине с этим решением.

— Мне нужно толще. Чтобы на камнях не рвалось.

— Тогда кожа.

— Кожа воздух пропускает.

— Хорошо просмоли.

Разговор быстро упёрся в то, что продавец знал все здешние материалы, а Виктор — названия вещей, которых здесь не было. Впервые он по-настоящему задумался: что случится, когда кончатся заплатки? Батарея может не разряжаться сколько угодно. Без двух целых колёс от её чуда останется только светящаяся цифра.

Виктор купил кусок плотной кожи, две пряжки и иглу. Последний медяк убрал отдельно — на вход в город завтра. Денег на ужин не оставалось.

У Тисы он сложил дрова, вынес золу и почистил канаву за домом. Работа была такая же простая и неприятная, как везде, где за неё платили едой.

За ужином Дорн заметил покупку.

— На сбрую?

— На сумку. И на всякий случай.

— Всякий случай денег любит.

Виктор протянул ему подпиленную монету и спросил, что делать. Дорн взвесил её на ладони.

— Тисе отдай в счёт жилья. Она в муку зачтёт. У мельника весы, ему всё равно, какое там княжье лицо.

К вечеру Виктор пришил новую петлю к термосумке. Старая начинала расходиться по шву. Игла скользила, кожа сопротивлялась, пришлось проколоть отверстия шилом мультитула. Работа заняла почти час.

Он проверил шов, потянул сильнее. Выдержал.

За день Виктор ничего не приблизил к возвращению домой. Зато завтра сумка не должна была упасть на дорогу. Пока это было достижением, которое он мог потрогать руками.

Глава 11. Улица без номера

На третий день службы Сава вручил Виктору письмо без печати.

— Милте-ткачихе. На Мельничной.

— Какой дом?

— Узнаешь. Все её знают.

Виктор вздохнул, но взял. Письмо было личное: поверх сложенного листа криво приписали два слова, будто вспомнили о чём-то уже после отправки. Он ещё не умел их прочесть.

На Мельничной Милту действительно знали все.

Один послал к дому с чёрными воротами. Там выяснилось, что Милта продала дом. Следующий уверял, будто она живёт у сестры. У сестры сказали, что поссорились ещё весной и не разговаривают. Молодой пекарь сообщил, что старая ткачиха умерла.

Виктор остановился.

— Когда?

— Зимой. Или в прошлую зиму. Я тогда только пришёл.

Он проверил письмо. Бумага была свежая, края не успели обтереться. Из-за сгиба пахло лавандой. Кто-то отправил его недавно и рассчитывал на ответ.

Виктор вернулся к сестре.

— Как Милта выглядит?

Женщина недовольно поджала губы.

— Как старая ведьма. Низкая, рука скрюченная, волосы белые.

— У пекаря другая. Он сказал, рыжая и высокая.

— Это Милта с Верхней Мельничной. У нас ещё Нижняя есть, за рукавом реки. Все всё путают.

Она произнесла это с негодованием человека, который сам только что не подумал уточнить.

Виктор спросил о сыне, о ремесле, о привычках. Выяснилось, что нужная Милта больше не ткёт: пальцы не слушаются. По утрам сидит возле красильни, где ей дают перебирать окрашенные нити. Вредная, всех учит, любит сладкий хлеб.

Вдова Лея увидела Виктора у ворот и сразу сказала:

— За склад не заплачу.

— Я к Милте.

— Тогда повезло тебе меньше, чем мне.

Старуха сидела на низкой скамейке. Нитки лежали на коленях пёстрым клубком. Увидев письмо, она долго не могла взять его скрюченными пальцами. Виктор положил лист ей на ладонь.

— От сына? — спросила она.

— Наверное. На дворе мне не сказали.

— Прочти.

Он почувствовал, как жар поднимается к ушам.

— Я ваших букв ещё не знаю.

Милта посмотрела на него, потом вдруг рассмеялась.

— Два умельца. Я тоже не знаю. Лея!

Красильщица пришла, вытерла руки и прочла. Сын Милты работал в дальней артели. Он прислал немного денег с соседом, а письмо отправил отдельно, чтобы мать знала, у кого спросить. В конце сообщал, что женился, и очень неуверенно обещал привезти жену весной.

Милта сидела неподвижно.

— Дурак, — сказала она наконец.

Лея сложила лист.

— Весной сама ему скажешь.

Виктор уже собирался уходить, но старуха позвала его обратно. Из кармана достала леденец, завернутый в тряпицу.

— Возьми. У меня зубов нет.

Он принял подарок без спора.

В конторе Виктор попросил Саву дописать к адресу: нижняя улица, красильня, старая Милта с больной рукой. Сава сначала нахмурился, затем взял перо.

Леденец Виктор съел по дороге к сушильне. Он был с мёдом и немного отдавал шерстью. Лучше леденца в том мире ему пока не попадалось.

Глава 12. Первая дальняя

Через четыре дня Виктор научился узнавать своё имя.

Мира написала его на обрезке бумаги, потом заставила повторить. Буквы выходили как следы хромой курицы, зато теперь он мог отличить свой мешочек от чужого.

Мира Вересова бывала в конторе не каждый день. В двадцать семь лет она уже отвечала за дорожные росписи двух уездов и проводила в разъездах больше времени, чем за столом. Она проверяла расстояния, составляла дорожные росписи и спорила с людьми, которые считали, что река обязана течь там, где её провёл покойный дедушка.

— Ты едешь сама? — спросил Виктор.

— Когда верю чужим словам, получается вот это.

Она ткнула в карту, где мост был нарисован за полторы версты от настоящего места.

— Понимаю, — сказал Виктор.

Он вспомнил, сколько раз его отправляли к снесённому подъезду. Доставать телефон и доказывать ей что-либо не потребовалось: она уже знала такую работу с другой стороны.

На пятый день Сава вызвал его отдельно.

На столе стоял маленький деревянный ящик, перевязанный бечёвкой. Внутри что-то тихо звякнуло.

— В Липцы. Лекарю Эстену. До вечернего колокола.

— Что везём?

— Стекло. Три склянки. Беречь от жара, не трясти.

Виктор посмотрел на ящик.

— Чем проложено?

— Соломой.

— Открыть можно?

Сава нахмурился, но развязал бечёвку.

Солома лежала только снизу. Три узкие склянки свободно качались в своих гнёздах.

Виктор принёс термосумку. Её жёлтую наружную сторону он уже закрыл грубой серой тканью, купленной у Тисы в долг. Склянки обернул чистыми полосками холста, разделил свёрнутой накидкой и закрепил ящик так, чтобы тот не ездил по дну.

— Понесёшь в своём коробе? — спросил Сава.

— Донесу целым.

— До Липцов двенадцать вёрст.

— Дорога сухая?

— До белого камня. Потом низина.

— Есть объезд?

Сава достал листок. Липцы лежали к северу от города. Если выйти через дальнюю калитку, можно было попасть к сушильне, а оттуда — на старую дорогу вдоль леса.

Виктор внимательно рассмотрел карту и попросил нарисовать ему три развилки отдельно.

Мопед он забрал через полчаса.

Пять дней Виктор ездил на нём только затемно, между Утиным двором и сушильней. Проценты не менялись. Он всё ещё ждал, что однажды дисплей мигнёт и погаснет, но расстояния становились слишком большими для неисправного указателя.

На открытом участке он держал скорость около двадцати. На лесном — медленнее. Здесь не было ни ямочного ремонта, ни людей, обязанных положить предупреждающий знак перед провалом.

Дважды пришлось сойти и катить Бублика. Один раз Виктор услышал телегу и увёл мопед за кусты. Пока она проезжала, он присел возле колеса и делал вид, что поправляет обувь.

Липцы показались раньше, чем он ожидал.

У въезда стоял колодец. За ним — длинный дом с рисунком ветки над дверью. Виктор спрятал Бублика в овраге под старой лестницей, поднял сумку и пошёл пешком.

Эстен оказался худым мужчиной с коротко стриженными волосами. У него не было хвоста. Виктор уже начинал понимать, что отсутствие хвоста здесь ничего не гарантирует.

— Рано, — сказал лекарь, увидев ящик.

— Срок до вечернего колокола.

Эстен замер с ножом над бечёвкой.

— Мне обещали вчера.

Глава 13. День, которого не было

В комнате стояли шесть кроватей. На двух спали люди. На третьей женщина сидела, подложив руку под спину старика, и подносила к его губам чашку.

Виктор отвёл взгляд.

— Мне выдали сегодня утром.

Эстен резал бечёвку слишком резко. Виктор придержал крышку, чтобы та не ударила по склянкам.

— Осторожно.

Лекарь замер. Потом медленно выдохнул.

— Прости. Ты ни при чём.

Он проверил жидкость на свет, понюхал пробку и тут же унёс одну склянку к столу. Виктор остался у двери с пустой сумкой.

Из коридора тянуло горьким дымом. На стене висела расписанная дощечка с рядами отметок. Над последним рядом стоял знак, который Виктор уже видел в княжьем дворе.

— Это даты? — спросил он, когда Эстен вернулся.

— Дни прихода.

— Можно посмотреть вчерашнее обещание?

Эстен достал письмо.

Виктор не мог его прочесть. Он разглядел печать: яшень, а под ним три мелкие точки. На ящике стоял тот же яшень, но без точек.

— Что там написано?

Лекарь прочитал: лекарство выйдет из княжьего двора с утренним гонцом, получено будет к закату, десятого дня листопада.

— А сегодня?

— Одиннадцатый.

Виктор достал свой обрезок бумаги. Мира поставила на нём дату перед выходом. Знак совпал с последним на дощечке.

— Мне нужен ответ, что привёз. С сегодняшней датой.

Эстен взял перо.

— Жаловаться будешь?

— Сначала выясню, где потерялся день.

Лекарь долго писал, потом поставил печать и протянул листок. Виктор попросил ещё раз прочесть вслух. В ответе было указано, что все три склянки получены целыми, до полудня.

— Ты всегда такой недоверчивый?

— На работе.

Эстен чуть улыбнулся.

— Тогда, может быть, и найдёшь.

На обратном пути Виктор ехал медленно. В сумке теперь лежал ответ, а в голове — неприятное чувство, которое он помнил по работе с пунктами выдачи. На него смотрели как на человека, который мог объяснить задержку. Он же впервые видел груз несколько часов назад.

В низине дорогу пересекал ручей. Утром Виктор перекатил мопед по мелкому месту. Теперь вода поднялась, стала коричневой, и под ней ничего не было видно.

Он остановился. Спешить домой хотелось сильно. Сапоги он ещё не купил, в промокших кроссовках было холодно.

Виктор нашёл палку и проверил дно.

На третьем шаге палка ушла почти по рукоять. Виктор замер, не перенося вес на переднюю ногу. Вода скрывала не просто яму: свежий край промоины осыпался при касании.

Он постоял, глядя на воду, потом отступил.

Объезд занял сорок минут. Дважды пришлось проталкивать Бублика через грязь. К сушилльне Виктор добрался усталым и сердитым, но с сухой батареей и целой запиской.

В княжьем дворе Сава удивился не меньше лекаря.

— Ты уже?

— Доставка вчера должна была быть.

Удивление исчезло.

— Кто сказал?

— Получатель. Показал письмо.

Сава выслушал описание печати. Потом взял ответ Эстена и медленно провёл большим пальцем по краю листка.

— Это обещание из казённой управы. А я ящик только утром получил.

— Значит, день потерялся до тебя.

— Может быть.

Сава обернул письмо сухим листом и убрал в стол, отдельно от обычных расписок. Ключ повернул дважды.

— Виктор. Пока никому.

За окном послышался голос Миры. Она спорила с кем-то о дороге на Липцы.

Виктор посмотрел на закрытый ящик стола и впервые пожалел, что не умеет читать.

Глава 14. Чистая тряпица

На следующий день Виктор занёс лекарю из Посадцев пустой пузырьёк.

Тиса велела отдать его лично: хорошее стекло стоило денег. Ещё она велела спросить, как там Лада. Виктор запомнил оба поручения, хотя второе не нуждалось в напоминании.

В доме лекаря стучал небольшой деревянный станок. Колесо медленно вращалось, само, без руки и привода. На ободе был укреплён тусклый камешек. Через каждые несколько оборотов колесо останавливалось, и хвостатый лекарь сердито толкал его пальцем.

— Не работает? — спросил Виктор.

— Работает. Но по-своему.

На станке качалась ложечка, помешивая густую жидкость. Виктор долго смотрел на неё. Устройство было простым, смешным и совершенно невозможным.

— Это колдовство?

— Это помощник, который не просит обеда. Правда, соли просит.

Лекарь вытряхнул из мешочка несколько белых крупинок в углубление под камнем. Колесо пошло ровнее.

Виктор вспомнил крупинку у замка батареи.

— Обычная соль?

Лекарь посмотрел на него поверх очков.

— Обычную в суп кладу. А эту у ходяков покупаю. Плохо очищена, половина — песок.

Ты пузырьёк принёс или ремесло изучать?

Виктор отдал пузырьёк. Спросил про Ладу. Лекарь сразу перестал брюзжать: жар упал, дышать легче, но бегать ещё рано. Он велел передать Рене, чтобы не слушала соседку, советовавшую прогреть ребёнка в бане.

Дом с кривой грушей Виктор уже находил без труда. Во дворе Нелька пыталась починить сломанный обруч. Лада сидела на крыльце, закутанная в одеяло, и командовала сестрой.

Рена пригласила его поесть. Он отказался: у двери стояли пустые мешки из-под муки, а на столе лежал один небольшой каравай. Вместо этого попросил воды и разрешения посидеть минуту.

— Ты тот, который лекарство принёс? — спросила Лада.

— Я.

— А почему в таком смешном колпаке?

Шлем лежал у него на коленях. Виктор постучал по нему костяшками.

— Чтобы головой не удариться.

— А ты часто?

— Стараюсь пореже.

Она подумала.

— Мама говорит, Нельке тоже надо.

Со двора послышалось возмущённое сопение.

Виктор помог связать обруч. Стяжку из запасов расходовать не стал: нашёл у гончара тонкую проволоку, загнул концы внутрь, чтобы не царапались. Пока работал, Лада рассказывала, как видела во сне большую птицу с прозрачным животом. Птица носила внутри яйца, и каждое яйцо светилось другим цветом.

Виктор решил, что это сказка, но Нелька заметила:

— Такие на Солёном пути бывают. Только ночью.

Он поднял голову. Сёстры смотрели на него как на взрослого, который почему-то не знает очевидных вещей.

Возвращаясь к Тисе, Виктор думал о странной птице, о колесе лекаря и о том, что в новом мире даже самое будничное поручение могло привести к чему угодно. Потом вспомнил, что забыл передать запрет на баню.

Пришлось возвращаться.

Рена выслушала его серьёзно и кивнула. Уже уходя во второй раз, Виктор достал обрезок холстины и завязал на нём узел. Пока не выучит буквы, будет хотя бы так отмечать незаконченные поручения. Хорошая память слишком легко считала работу сделанной раньше времени.

Глава 15. Прокол

Секрет выдержал ещё три дня.

За это время Виктор нашёл целые подержанные сапоги по своей цене. Пришлось отказаться от горячего завтрака на рынке и вечернего пива, зато вода больше не хлюпала под пятками. Он купил и маленькую костяную щётку. Пасты здесь не было, зато был мелкий мятный порошок, который заставлял чихать.

Мира заметила новые сапоги.

— Решил остаться?

— Решил не ходить с мокрыми ногами.

— Хорошее начало.

Остаться он не решил. Каждую ночь, прежде чем заснуть, Виктор вспоминал дерево и камень. Дважды ездил туда. Оба раза валун был просто валуном. Во второй раз он накричал на него, потом долго сидел рядом и чувствовал себя идиотом.

Следующее поручение оказалось обычным: отвезти счёт на лесопилку, получить подпись мастера. Обратно — забрать образцы смолы. Виктор уточнил вес и попросил разлить её в две маленькие ёмкости вместо одной большой.

На дороге за оврагом он услышал шипение.

Заднее колесо поплыло.

Виктор немедленно остановился. Между шашками протектора торчал тонкий металлический обломок. На конце — аккуратная загнутая петля.

Он вытащил его плоскогубцами.

Он потерял обломок в траве, снова нашёл и положил на сиденье. Понадобится осмотреть покрывку изнутри: если там остался острый конец, новая заплатка не поможет.

Виктор увёл мопед с дороги, подложил под раму плоский камень и взялся за работу. Снимать заднее колесо целиком не хотелось: моторный провод был коротким, гайки затянуты намертво. Он разбортировал покрывку с одной стороны и вытянул повреждённый участок камеры.

— Чтоб тебя, Бублик.

— Его зовут Бублик?

Виктор ударился затылком о сиденье.

На краю оврага стояла Мира. В руке она держала повод серой кобылы, через плечо — кожаную сумку с торчащими свитками.

Несколько секунд они молчали.

— Это тележка, — сказал Виктор.

— Вижу.

— Дорожная.

— И это вижу.

— Я её чиню.

Мира присела напротив. Осторожно коснулась пальцем покрывки, потом посмотрела на чёрные следы у него на руках.

— А почему ты говоришь так, будто я застала тебя в чужой спальне?

Виктор отвёл глаза.

Она не стала смеяться. Положила повод на ветку и кивнула на камеру.

— Что случилось?

— Дырка. Воздух вышел.

— Внутри был воздух?

— Он колесо держит. Чтобы мягче ехало.

Мира потрогала сплюсненную резину. Её лицо изменилось: растерянность уступила тому сосредоточенному выражению, с которым она изучала неверно нарисованные мосты.

— А чем снова наполнишь?

Виктор показал насос.

Она взяла его, попробовала поршень и едва не направила струю себе в глаз.

— Осторожно.

— Я поняла.

Пока клей подсыхал, они сидели рядом на траве. Кобыла жевала листья. Мира то смотрела на насос, то на мопед. Виктор ждал следующего вопроса и не знал, какой из возможных будет хуже.

— Ты на нём до Липцов добрался? — спросила она.

Он кивнул.

Мира медленно выдохнула.

— Значит, я всё-таки правильно посчитала.

Глава 16. Попутчица

— Что посчитала?

— Время. Ты вышел после третьего удара, вернулся до вечерней смены. Пешком можно, если бежать почти весь день. Но у тебя даже ноги не дрожали.

— Дрожали. Ты не видела.

— От вранья?

Виктор прижал заплатку и провёл пальцем по её краю.

— Я не врал.

— Ты позволил Саве думать, что у тебя очень хорошие ноги.

— У меня нормальные ноги.

Мира посмотрела на них с таким серьёзным видом, что он почувствовал, как краснеет.

— Допустим.

Он начал заправлять камеру обратно. Мира придержала колесо без просьбы. Работали молча. Её пальцы тоже испачкались, и Виктор поймал себя на желании достать последнюю чистую салфетку. Не достал: она ещё могла понадобиться для еды или раны. Вместо этого протянул холстину.

— Давно у тебя эта вещь?

— Два года.

— Сам сделал?

— Купил.

— Где?

Виктор не ответил.

Мира вытерла руки.

— Я могу не спрашивать. Но мне надо понять, чего ты боишься. Что её отнимут?

— В том числе.

— Тогда не ставь у сушильни.

Он поднял голову.

— Ты и это знаешь?

— Я знаю город. Там по вечерам мальчишки играют в кости. Пока дождливо, они не ходят. Высохнет — найдут.

Он вспомнил игральную косточку, которую нашёл возле ворот сушильни, и поморщился. Видел приметку и не придал значения.

Мира поднялась.

— На княжьем дворе есть старая сокольня. Птиц перевели, дверь держится. Я храню там дорожные вехи. У меня ключ.

— Зачем ты мне помогаешь?

Она пожала плечами.

— Хочу посмотреть, как оно едет.

Он представил её за картой, с тем же пристальным взглядом. Любопытство хотя бы можно было удовлетворить, не обещая того, чего он не понимал сам.

Виктор накачал колесо, проверил заплатку и поставил мопед на землю. Он собирался проехать несколько шагов и остановиться, но Мира придержала руль.

— Можно рядом?

— Рядом — да. Садиться пока не надо.

— Почему?

Он посмотрел на багажник, сумку, узкий остаток сиденья. Пассажирское место у Бублика было, но со вторым человеком мопед хуже тормозил, а дорога уходила под уклон.

— Колесо только заклеил. И шлем один.

Мира перевела взгляд на лежащий на траве шлем.

— Ты предусмотрительный трус, Виктор.

— Благодаря этому пока живой.

Она задумалась, потом отступила.

Он включил питание и медленно проехал вдоль оврага. Мира пошла рядом. На третьем шаге остановилась. Бублик продолжил катиться сам.

Лицо у неё стало совершенно открытым.

Виктор развернулся и вернулся к ней.

— Ну?

Она долго молчала.

— Лошадь, — сказала наконец, — никто не спрятал.

Он рассмеялся. Впервые по-настоящему, с момента, когда исчезла арка.

Мира тоже улыбнулась, хотя явно не поняла, что смешного.

У развилки они расстались. Она поехала измерять размытую насыпь, Виктор — на лесопилку. Перед тем как уйти, Мира отдала ему ключ.

— Ночью через огородную калитку. У сторожа скажешь, что вехи принёс.

Ключ оказался тёплым от её ладони.

Глава 17. Обратная загрузка

На лесопилку Виктор приехал с опозданием.

Пока чинил колесо и говорил с Мирой, рабочие успели убрать одну пилу и приняться за вторую. Мастер оказался занят, но пришёл, когда услышал про счёт из княжьего двора. Расписался на бумаге, долго пересчитывал зарубки на доске и велел выдать гонцу смолу.

Её вынесли в маленьком горшке, обмазанном глиной.

— Я просил две ёмкости.

— Двух нет.

Виктор взял горшок. Он был ещё тёплым. Пробка держалась криво, а на боку пролежала тонкая трещина.

— Другой есть?

Рабочий вздохнул так, будто именно Виктор несколько лет не платил ему жалованье. Пошёл за другим.

На краю двора двое мальчишек тянули к воде плот из тонких брёвен. Их окликнули, и оба одновременно обернулись. Верёвка ослабла. Передний конец плота съехал с полозьев; одно бревно покатилося к ногам младшего.

Виктор бросил пустую сумку и дёрнул мальчишку за ворот. Бревно прошло мимо, ударилось о пень и остановилось. Снизу, от воды, послышалась ругань.

Мальчишка побелел. Потом попытался оттолкнуть Виктора, будто тот был виноват в его испуге.

— Сам видел!

— Верю. В следующий раз увидь раньше.

Подожёл мастер. Он не стал бить мальчишку, чего Виктор невольно ожидал. Вместо этого заставил обоих заново уложить брёвна, перехлестнуть верёвку и позвать взрослого. Смотрел, пока они не закончили.

— Вечно спешат, — сказал он.

Виктор посмотрел на солнце.

— Я сегодня тоже.

Рабочий вернулся с новым горшком. Виктор проверил его, закрепил крышку, обернул сухой тканью. В сумке поставил отдельно от бумаг. Мастер проследил за движениями.

— Ты так и хлеб возишь?

— Хлеб легче. Он хотя бы не прольётся.

— Если свежий, его придавишь — получишь лепёшку.

Виктор признал правоту. Мастер довольно кивнул и дал ему узкую дощечку: положить между грузами, чтобы не давили друг на друга.

Обратно Виктор ехал ещё медленнее. Тёплая смола пахла сквозь сумку. Заплата держалась, но он всё время прислушивался к колесу. На ровной дороге остановился, надавил большим пальцем на покрышку. Воздух не уходил.

У небольшого болотца мопед вдруг поехал легче. Склон почти не изменился, газ Виктор не прибавлял. Он остановился, откатил Бублика назад и повторил. То же самое.

На обочине лежал полузасыпанный камень с углублением. В углублении белел крупный песок. Рядом среди мха тянулись тонкие светлые жилки.

Виктор не стал трогать их рукой. Он помнил холод Возвратного камня, хотя ещё не знал этого имени. Поставил на сухом пне три щепки крестом, запомнил раздвоенную сосну и поехал дальше.

В княжьем дворе смолу принял плотник. Письмо с подписью ушло к Саве. Дощечка осталась в сумке — мастер подарил её, а хорошим вещам место в работе.

Когда Виктор собрался в сокольню, он обнаружил на рукаве пятно. Смола всё-таки просочилась из-под обвязки. Немного, но достаточно, чтобы прилипнуть к ткани.

Он долго оттирал пятно, потом перестал. Пусть останется напоминанием: даже если проверил горшок, проверяй ещё и крышку.

Глава 18. Цена скорости

В соколье пахло пылью и старой соломой. Под потолком висели пустые кольца. Мира заранее отодвинула дорожные вехи, освободив угол у стены.

Виктор завёл Бублика внутрь вручную. На улице темнело.

— Если спросят, здесь моя тележка, — сказал он.

— Здесь мои вехи. Остальное никого не касается.

Мира зажгла маленькую лампу. Свет лёг на карту, разложенную на ящике.

На ней были отмечены Бережск, Липцы, Верхний брод и ещё несколько названий, которых Виктор не мог прочесть. Между точками тянулись нити.

— Покажи, где ты ехал.

Он провёл пальцем вдоль леса.

— Здесь. Потом сюда. На обратном пути ручей поднялся, пришлось обходить.

— Через старую просеку?

— Через неё.

Мира взяла карандаш.

— Три версты лишних. А на бумаге дорога открыта.

— Чьей бумаге?

Она вместо ответа показала второй лист. Синие отметки на нём выглядели аккуратно и внушительно. Виктор ничего не понял.

— Роспись дорожного смотрителя Освея, — пояснила Мира. — Каждый месяц её отправляют князю. Мосты исправны, гати уложены, расстояния проверены. Я вернулась из поездки и обнаружила, что мы с господином смотрителем живём в разных княжествах.

— Он денег на ремонт просит?

— Он сообщает, что уже всё починил.

Виктор посмотрел на карту.

— А письма задерживаются.

Мира перестала писать.

— Кто тебе сказал?

Виктор вспомнил просьбу Савы молчать. Он не собирался пересказывать её всему двору. Но Мира проверяла те самые дороги, на которые теперь можно было списать задержку, и скрывать от неё увиденное казалось неправильным. Он рассказал о лекарстве: обещанная дата, утренний ящик, три точки под ясенем. Про ответ, спрятанный у Савы в столе, говорить не стал.

— Три точки — казённая управа, — сказала Мира. — У Освея там своя печать. Но письмо мог написать любой из его писцов.

— Я не говорю, что это он.

— Хорошо. Тогда мы пока не поссоримся.

Она села на край ящика и потеряла переносицу.

Вблизи Виктор увидел, что она устала. Под глазами лежали тени. На манжете темнела засохшая грязь. Всё это время он замечал её улыбку, волосы, руки, а остальное как будто пропускал.

— Ты сегодня ела?

Мира удивилась.

— Ела.

— Когда?

— Утром.

Виктор достал из сумки свёрток. Тиса дала ему два пирога, один он оставил на вечер. Разломил оставшийся пополам и протянул большую часть Мире.

Она приняла не сразу.

— Ты всегда кормишь тех, кто суёт нос в твои тайны?

— Только если они потом дают мне гараж.

— Что дают?

— Вот это помещение.

Мира откусила пирог. Начинка оказалась капустной, с перцем. Она помолчала, потом сказала:

— Если Сава узнает, как быстро ты можешь ездить, он станет посылать тебя дальше. Потом ещё дальше. Так всегда бывает с теми, кто успевает.

— Знаю.

— Ты говоришь это слишком часто.

Виктор посмотрел на чёрный руль в углу. На дисплее больше ничего не светилося, но он и без света помнил число.

— У меня дома за быструю работу тоже обычно давали ещё работу.

Мира некоторое время жевала молча.

— Тогда скажи заранее, сколько можешь.

— А если сам пока не знаю?

Она положила свою половину пирога на чистый край карты.

— Выясним.

Он повернул к себе карту и показал место у болотца, где Бублик внезапно потянул легче. Рассказал и про колесо у лекаря, которое крутила белая соль. Мира записала оба места. До этой минуты он рассчитывал разбираться с такими вещами один.

Глава 19. Пустая строка

Сава оставался в конторе после вечернего колокола.

Виктор пришёл вернуть выданную для смолы обёртку и застал его перед раскрытой книгой. На столе лежали палочки, костяные жетоны и маленький мешочек с песком. Сава пересыпал песок на свежую запись, стряхивал, переворачивал страницу.

— Помочь?

— Читать сначала научись.

Виктор поставил обёртку на край стола. Уже хотел уйти, но заметил, как Сава в третий раз пересчитывает одни и те же жетоны.

— Сколько должно быть?

— Семь.

— Здесь шесть.

— Это я и без тебя вижу.

В книге было семь строк. Сава показал на них: пять дальних поручений, два ближних, каждое с ответом. На седьмой строке место для отметки оставалось пустым.

Виктор попросил прочесть имена. Третье он узнал: в полдень гонец вернулся с пристани и жаловался, что ему выдали два ответа на одном листе. Виктор тогда помог придержать мокрый плащ, пока тот развязывал сумку.

Сава нашёл лист. Сверху была печать пристанского старшего, внизу — знак сторожа лесного склада.

— Вот он, седьмой, — сказал Виктор.

Сава поставил отметку, выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Умный какой.

— Просто слышал.

— Хорошо слышать тоже работа.

Он подвинул Виктору обломок грифеля и дощечку. Нарисовал три знака. Первый означал «взял», второй — «вручил», третий — «ответ».

— Эти выучи прежде прочих. Имя потом напишешь, если потеряешься. А здесь сразу поймёшь, где долг остался.

Виктор повторил знаки. Сава исправил средний: черта должна смотреть в другую сторону, иначе получится «вернул».

— Похожи.

— Похожие вещи люди и путают.

Виктор сделал ещё один ряд. Потом ещё. Рука устала быстрее, чем от руля. Он давно не писал ничего длиннее адреса на коробке и внезапно понял, как много работы телефон делал за него незаметно.

Сава зажёл вторую свечу.

— У вас гонцы тоже в книгах отмечают?

— По-другому. Но смысл такой же.

— Если посылку потерял?

— Вычтут. Иногда сначала вычтут, потом разберутся.

Сава усмехнулся.

— Далеко уехал, а порядки узнаёшь.

Некоторое время они работали молча. Виктор выводил знаки, Сава разбирал письма. За открытым окном пахло конюшней и дымом. Из верхнего двора доносились музыка и смех: там кто-то пировал.

Виктор посмотрел на изувеченную руку Савы. Тот заметил взгляд.

— На переправе придавило. Молодой был, держал груз, когда надо было отпустить.

— Важный груз?

— Тогда думал, важнее руки.

Он перевернул ладонь и подтолкнул к Виктору дощечку.

— Не повторяй. Ответ за вещь можно держать живым.

Виктор хотел отшутиться, но не стал. Аккуратно дописал последнюю строку. Знак «вручил» наконец получился правильно.

Когда он уходил, Сава попросил завтра явиться в чистой рубахе.

— Зачем?

— Узнаешь.

Виктор остановился в дверях.

— Сава, если это снова проверка с тайным условием...

— Не проверка. Князь хочет тебя видеть.

Виктор посмотрел на чёрные пальцы, на смоляное пятно, на дощечку с тремя кривыми знаками. Для аудиенции он готовился не особенно удачно.

Глава 20. Княжий гонец

К князю Виктора повели утром.

Сава ничего не объяснил. Велел умыться, сменить рубаху и не отвечать прежде, чем спросят. Новую рубаху пришлось одолжить у писца. В плечах она тянула.

Перед дверью Виктор поправил ворот. Сава объяснил, как обратиться к князю, но не сказал, куда деть руки. Виктор решил держать их за спиной: так меньше видно грязь под ногтями.

Вместо трона была комната с длинным столом. На столе лежали бумаги, недоеденная груша и разобранный замок. Мужчина лет сорока в простом тёмном кафтане пытался вставить пружину на место.

— Не держится, — сказал он, не поднимая головы.

Стоявший рядом слуга молчал.

Виктор тоже молчал. Пружина явно упиралась не туда, но в чужие вещи без спроса он теперь старался не лезть.

— Это он? — мужчина посмотрел на Саву.

— Он, княже.

Князь Данимир отложил замок.

— Ты доставил склянки в Липцы до полудня?

— Да.

— Как?

Виктор почувствовал, как под воротом собирается пот.

— Короткой дорогой. Часть пути бежал.

Он опустил взгляд на край стола. Часть пути действительно бежал — по склону, толкая Бублика. Но ответ был устроен так, чтобы князь представил совсем другую дорогу.

— А обратно пошёл в обход?

— Ручей поднялся.

Князь взглянул на лист перед собой.

— Здесь написано, что там новая кладка.

— Я её не видел.

— Может быть, плохо смотрел?

— Может быть. Но прошёл по следам телег. У воды они кончались.

Данимир некоторое время разглядывал его.

— Ты осторожный.

— Плавать с грузом неудобно.

Сава кашлянул. Князь улыбнулся одним углом рта.

— Эстен написал, что упаковка сохранила склянки. И что ты заставил его прочесть расписку.

— Я пока не читаю здешние буквы.

— Зачем тогда тебе расписка?

— Чтобы потом мог прочитать тот, кто умеет.

Данимир откинулся на спинку кресла.

— Мне нужен гонец. Не самый быстрый. Тот, который приносит обратно ответ, а не рассказ, почему ответа нет. Сава говорит, ты спрашиваешь много лишнего.

— Обычно лишнее выясняется в дороге, когда спросить уже не у кого.

— Хорошо. Сегодня пойдёшь на Верхний брод. Управителю Харшу. Получишь закрытый ответ и вернёшься. До завтра.

Князь подвинул к нему кожаный тубус.

Виктор не взял его сразу.

— Если Харша нет?

— Ждёшь до утреннего колокола. Потом назад.

— Если ответ не даёт?

— Приводишь точные слова.

— Если печать повредится?

Данимир перестал улыбаться.

— Сам скажешь мне прежде, чем кто-либо коснётся письма.

Виктор кивнул и взял тубус.

Сава на выходе задержал его за рукав.

— Теперь служишь князю. Плата — серебро в неделю, еда здесь. Ночлег могу дать над конюшней.

— Останусь у Тисы. Пока.

— Дорого.

— Зато я ей должен.

Сава отпустил рукав.

Во дворе Мира уже седлала кобылу.

— Мне тоже на Верхний брод, — сказала она.

Виктор посмотрел на длинную дорогу за воротами, потом на сокольню.

— Тогда у нас есть одна небольшая проблема.

Глава 21. Два темпа

Проблему решили без волшебства.

Мира поехала верхом, Виктор пошёл пешком, а через версту, за рощей, они встретились снова. Бублика он вывел через огородную калитку. Мира тем временем проверила, нет ли на старой дороге путников.

— Если кто увидит, ты мерщик с дорожной тележкой, — сказала она.

— А если увидят, как тележка сама едет?

— Тогда плохой из тебя мерщик.

Рядом с кобылой Виктор держался на малой скорости. Лошадь косилась на Бублика, раздувала ноздри и время от времени оттесняла его к обочине. Мира разговаривала с ней негромко, будто с обидчивой родственницей.

— Её зовут Крошка? — спросил Виктор.

— Рябь.

— А почему ты говоришь «крошка»?

— Потому что она не понимает, когда я называю её упрямой дурой.

Виктор посмотрел на кобылу.

— По-моему, понимает.

У первого подъёма они остановились. Мира достала мерный шнур с узлами, вбила в землю колышек и принялась считать. Виктор помогал держать второй конец.

Виктор скоро перестал считать их остановки. Мира мерила участок дважды, когда результат не сходился, откапывала старые знаки и записывала, где колышек сгнил. К полудню у него ломило поясницу от наклонов. Красивые карты появлялись потом, в помещении. Здесь приходилось искать старые знаки под мхом, обходить кусты, возвращаться к ошибочно выбранной точке.

— Сколько тебе за это платят?

— Меньше, чем обещали.

— Знакомо.

Она посмотрела на него и улыбнулась.

К полудню дорога вывела к каменной насыпи. На ней лежали свежие доски. С края торчал колышек с вырезанным знаком смотрителя.

Мира спешила.

— Вот. Новая гать. На росписи уже принята.

Виктор прошёл к середине. Настил пружинил. Под досками было слышно воду.

Он присел и потянул крайний обрезок.

Доска поднялась без сопротивления.

Под ней не было опоры.

Мира подошла ближе. Лицо у неё сделалось жёстким.

— Не трогай дальше.

— Тут лошадь провалится.

— Знаю.

Она достала бумагу, быстро зарисовала настил, потом поставила рядом мерную веху. Виктор предложил сделать снимок телефоном и уже полез в карман, но остановился.

Телефон можно было показать потом. Сейчас хватало одной тайны.

Они обошли гать по сухому склону. Виктор катил мопед, Мира вела лошадь. На середине подъёма колесо застряло между камнями. Она упёрлась плечом в багажник, он потянул за руль, и Бублик выскочил так резко, что они едва не столкнулись.

Мира налетела плечом ему на грудь. Они оба уцепились за руль, удержали мопед и только потом рассмеялись.

Виктор почувствовал её дыхание и вдруг растерялся сильнее, чем перед князем.

— Спасибо, — сказал он.

— За что именно?

— За... тягу.

Она отступила, всё ещё улыбаясь.

На вершине склона показалась река. Через неё тянулся деревянный мост. У ближнего конца стояли два человека с копьями.

Между ними висела цепь.

Глава 22. Закрытая дорога

На мосту брали плату.

Перед цепью стояли две телеги. Возчик первой пересчитывал монеты прямо на ладони сборщика. Мира увидела дощечку с объявленной платой и нахмурилась.

— С каких пор?

— Со вчерашнего дня, госпожа.

— По чьему приказу?

— Дорожного смотрителя.

Он показал лист с печатью. Мира прочитала его, потом ещё раз, медленнее.

— Здесь велено осмотреть опоры. О плате ничего нет.

Человек пожал плечами.

— Людей кормить надо. Они осматривают.

Один из копейщиков отвернулся к реке. Другой смотрел на Виктора и его прикрытый тканью мопед.

Виктор не включал питание. Рука лежала на тормозе, сумка — на багажнике. Княжий тубус он держал под курткой, в отдельном непромокаемом чехле. Если придётся бросить Бублика, письмо останется с ним.

— Мы по княжьему делу, — сказала Мира.

— Все по чьему-нибудь делу.

Она потянулась к сумке за знаком своей службы.

Виктор тихо коснулся её локтя.

— Сколько?

Мира резко повернула голову.

— Два медяка с человека. За коня три. За повозку четыре.

— Это не повозка, — сказал Виктор. — Два колеса, груза почти нет.

— Тогда три.

— Мы пешком и коня ведём. Восемь получается?

Человек с дощечкой кивнул.

Виктор достал деньги.

— Расписку дай. Кто получил, где и за что.

Улыбка на лице сборщика потускнела.

— Я грамот не пишу.

— Она напишет. Ты знак поставишь. Нам в казне отчитаться надо.

Мира некоторое время смотрела на Виктора, потом достала бумагу.

Сборщик переступил с ноги на ногу.

— Княжих бесплатно пропускаем. Сразу бы сказали.

Цепь опустилась.

На другом берегу Мира остановилась.

— Зачем ты согласился платить?

— Я согласился получить подтверждение.

— А если бы они его дали?

— Заплатил бы. Письмо важнее восьми медяков. Потом отдал бы бумагу князю.

Мира посмотрела на мост. Сборщик уже спорил с возчиком, который подъехал вслед за ними.

— У меня есть право требовать...

— Есть. У него два человека с копьями. А у нас срок. Можно вернуться с людьми, которые лучше объясняют права.

Она молчала долго. Потом кивнула.

— Я не люблю, когда меня заставляют обходить собственную работу.

— Я тоже.

Верхний брод оказался небольшим укреплённым посёлком на холме. Управитель Харш принял их в доме над рекой. Он был грузным, с красным шрамом у губы. Увидев княжий тубус, Харш отодвинул счёты и велел слуге закрыть дверь.

Печать осмотрел внимательно. Письмо прочитал дважды.

— Назад завтра, — сказал он.

— Утренний колокол, — уточнил Виктор.

Харш поднял глаза.

— Что?

— Мне велено ждать до утреннего колокола. Потом возвращаться.

Управитель медленно свернул письмо.

— Получишь до колокола.

Виктор кивнул. И заметил, что Мира смотрит не на Харша, а на лежащую у его локтя печать.

Под ясенем были три точки.

Глава 23. Комната над кухней

Им отвели одну комнату.

Женщина, которая провела их по лестнице, поставила на стол кувшин, указала на широкую кровать и сказала, что постель чистая.

— Другая есть? — спросил Виктор.

— Чистая или постель?

— Комната.

— Внизу с возчиками. Там блохи.

Мира прикрыла рот рукой. Когда женщина ушла, она наконец рассмеялась.

— Ты сейчас был похож на ученика, которого поймали с украденной свечой.

— Я просто спросил.

— Конечно.

Виктор поставил сумку у двери и проверил ставни. Мопед оставался в сарае под тележными полами. Ключ он забрал себе. Рябь стояла отдельно, в приличной конюшне, и получала овёс. Бублику овёс был не нужен, зато Виктору хотелось, чтобы у сарая была дверь потолще.

— Я лягу на полу, — сказал он.

Мира перестала улыбаться.

— Там холодно.

— Накидку постелю.

— Ты всё время решаешь за двоих?

Виктор обернулся.

Она сидела на краю кровати, развязывая сапог. В её голосе не было кокетства. Только спокойный вопрос.

— Не хотел тебя ставить в неловкое положение.

— Тогда спроси меня, что мне удобно.

Он помолчал.

— Что тебе удобно?

— Чтобы ты придвинул ту лавку к кровати. Мы постелим на неё тюфяк с сундука. Ты не замёрзнешь, а я не буду ночью слушать, как ты кашляешь ради приличий.

Виктор посмотрел на сундук. Тюфяк действительно лежал там, свёрнутый и перевязанный верёвкой.

— Справедливо.

Пока он устраивал себе место, Мира вынула карту. На полях появились мост, цепь, настил без опор. Она тщательно записала всё, что успела увидеть.

— Харш пользуется казённой печатью, — сказал Виктор.

— Управитель имеет право. Это ещё ничего не доказывает.

— Я запомнил.

Мира подняла взгляд.

— Ты быстро учишься.

— Не во всём.

После ужина она достала обрезок бумаги с его именем. Они просидели над буквами почти час. Виктор путал две похожие черты, сердился, и Мира каждый раз терпеливо поворачивала лист к свету.

За окном темнела река. На кухне под полом гремела посуда. Кто-то тихо пел.

Постепенно Виктор перестал думать о князе, печати и чужих дорогах. Он смотрел на пальцы Миры, на прядь, выбившуюся из причёски, на маленький шрам возле запястья. Ему

хотелось спросить, откуда шрам. Он даже приготовил вопрос, но побоялся, что она заметит, как внимательно он её разглядывал.

Вместо этого он сказал:

— У тебя здесь кто-нибудь есть?

Карандаш остановился.

— В комнате?

— Ты понимаешь.

Мира смотрела на него достаточно долго, чтобы он успел пожалеть о вопросе.

— Нет, — сказала она. — А у тебя дома?

Виктор опустил глаза на бумагу.

— Мама. Брат. Девушки нет.

— Давно не видел родных?

Он посчитал дни и вдруг понял, что прошло меньше двух недель.

— Недавно. Но сейчас далеко.

Мира не стала спрашивать, насколько. Накрыла ладонью его руку — легко, без обещаний.

Он перевернул кисть и осторожно сжал её пальцы.

Так они и сидели, пока на лестнице не раздались шаги.

В дверь постучали.

— Гонец, — сказал незнакомый голос. — Управитель зовёт. Ответ готов.

Мира первой убрала руку.

Виктор поднялся, взял сумку и проверил застёжку.

Он задержался у двери, ещё раз посмотрел на Миру. Она кивнула и придвинула лампу к карте. Виктор вышел принимать ответ.

Глава 24. Под чужой печатью

Харш ждал в той же комнате. На столе осталась вчерашняя груша. По надкусанному боку ползла маленькая муха. Виктор поймал себя на том, что следит за ней, лишь бы не смотреть слишком пристально на чужие бумаги.

Возле окна стоял молодой человек с узким лицом. Красный шнур на воротах был завязан слишком туго. Человек держал в руке свечу, хотя комната освещалась тремя лампами.

— Певень, — сказал Харш, — запиши, что передано.

На столе лежал тубус. Старый шнур сменили новым, печать блестела свежим воском.

Виктор подошёл, но не коснулся груза.

— Это ответ князю Данимиру?

— А ты кому собирался нести?

— Уточняю.

Певень усмехнулся. Харш не стал.

— Ответ князю. Получить должен лично он. При мне запечатано.

Виктор осмотрел тубус. На крышке была трещина, которую он заметил ещё в Бережске. Значит, тот же. Новая печать — башня над рекой. Под ней ни одной точки.

— Когда отправляешься? — спросил Певень.

— Утром.

— Через мост?

— Если открыт.

— Открыт. Плата с княжых не берётся.

Харш поднял на него тяжёлый взгляд.

— Какая плата?

Певень слишком быстро ответил:

— Люди смотрителя неверно поняли приказ. Я уже велел разобраться.

Виктор убрал тубус под куртку.

— Получил. Печать цела.

Харш кивнул. Потом, когда Виктор уже дошёл до двери, сказал:

— Передай князю, что на четвёртый день зерна не будет. Даже если он пришлёт ещё десять писем.

Певень повернулся от окна.

— Господин, это всё есть в ответе.

— Значит, услышит дважды.

Виктор повторил фразу, чтобы не забыть.

У себя он застал Миру у открытой ставни. Она смотрела вниз, на двор.

— Там лошадей седлают.

— Ночью?

— Две. Одна с княжым знаком на попоне.

Виктор погасил лампу. Они встали по разные стороны окна.

Во дворе возились трое. Певень вышел из дома, передал одному из всадников плоский свёрток и что-то сказал. Слов не было слышно. Потом поднял голову к верхним окнам.

Виктор отступил в темноту.

— Может, обычное письмо, — сказал он.

— Может, — согласилась Мира.

Они долго молчали.

Потом Виктор проверил печать ещё раз, обернул тубус в дождевик и положил в сумку. Сумку привязал ремнём к ножке своей лавки.

Мира наблюдала за ним.

— Украсть боишься?

— Обычно самые неприятные вещи случаются, когда думаешь: «Да кому это надо».

Она подошла к двери и поставила под ручку табурет.

— Вот теперь я тоже предусмотрительная трусиха.

Виктор не улыбнулся.

Он лежал, прислушиваясь к лестнице, и думал о человеке с красным шнуром. Тот знал про мост, хотя никто из них о мосте не рассказывал.

Возможно, ему донесли.

Виктор несколько раз пытался объяснить ночной выезд обычным срочным делом. Каждый раз вспоминал, как Певень заранее назвал их обратную дорогу.

К утру Виктору больше всего хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Глава 25. Передача по цепочке

Они вышли до рассвета.

Мира заплатила за постой. Виктор получил у кухарки два куска хлеба и холодную репу. Она завернула еду в чистый лист старой счётной книги. Он аккуратно снял обёртку и сложил: бумага здесь стоила денег, а Мире постоянно требовалось на чём-то писать.

У сарая никто не ждал. Замок был цел. Бублик включился с привычным коротким звуком.

Шестьдесят четыре.

Виктор прикрыл дисплей ладонью. Чудо никуда не делось, но настроение не улучшилось.

До моста они дошли пешком. Цепь висела низко. Один копейщик спал, сидя на бревне, второй грел руки над жаровней.

— Княжьи, — сказала Мира.

Их пропустили без спора.

За мостом, у поворота на гать, стоял всадник. На попоне темнел ясеновый лист.

— Гонец из Бережска?

Виктор остановился чуть в стороне от дороги. Мира придержала кобылу.

— С каким делом?

Всадник протянул сложенный лист.

— Срочная перемена. Ответ управителя передать мне. Тебе вернуться в Верхний брод, получить ещё грамоту.

Виктор не протянул руку к сумке.

— Имя?

— Терен. От Савы.

— Покажи знак гонца.

Терен отвёл плащ. На груди висела медная пластинка с ясенем. Такая же, какую Сава выдал Виктору перед выходом.

Мира взяла лист. Читала молча, лицо не менялось.

— Печать дворцовая, — сказала она наконец.

Виктор посмотрел на бумагу. Ясень. Корни. Вдавленный край круга.

Всё как будто сходилось.

Но слово «передать» ему не понравилось с самого начала.

— Мне приказано лично князю, — сказал он.

— Здесь новый приказ.

— Кто его дал?

— Сава. Ты что, глухой?

— Сава не отменяет личный приказ князя.

Терен убрал улыбку.

— Он твой старший.

— Да. Поэтому я сначала вернусь к нему. Выезжаем вместе, там разберёмся.

Несколько мгновений слышно было только реку.

— Ты себе срок сорвёшь, — сказал Терен.

Виктор вспомнил мужчину в домашнем халате, однажды уверявшего, что он сосед получателя. Мужчина тогда тоже торопил, ссылаясь на знакомство и раздражался всё сильнее при каждом уточнении. Заказ в итоге пришлось везти на другой этаж.

— Мой срок до вечера. Успею.

Терен повернул коня поперёк дороги.

Мира сложила лист и незаметно убрала в рукав.

— Мы пойдём, — сказала она.

— Бумагу верни.

— Приказ адресован гонцу. Он её и сохранит.

Из-за деревьев вышел второй человек.

У него не было попоны, знака или письма. В руке он держал короткую дубинку.

Виктор увидел движение прежде, чем успел испугаться. Толкнул мопед поперёк тропы и схватил Миру за запястье.

— Назад.

Рябь шарахнулась. Терен выругался. Человек с дубинкой зацепился за переднее колесо и упал на одно колено.

Этой секунды хватило, чтобы Мира перехватила повод и потянула кобылу к узкой тропе вдоль берега.

Виктор развернул Бублика за руль.

Сумка ударила его по бедру. Печать внутри не звякнула.

Он проверил застёжку на бегу и только потом позволил себе оглянуться.

Глава 26. Лишний груз

Тропа шла по склону над рекой. Слева рос орешник, справа под ногами осыпалась земля. Виктор тащил мопед, упираясь ногами. Сесть и нажать газ хотелось до боли. Но впереди была Мира с Рябью, а узкая колея не прощала резких движений.

За спиной затрещали ветки.

— Быстрее! — крикнула Мира.

— Здесь не могу!

Она оглянулась и сразу поняла. Рябь занимала почти всю тропу.

Мира свернула к небольшой площадке, привязала повод к дереву и сняла с седла сумку.

— Дальше пешком.

— Лошадь?

— Вернёмся.

Она сказала это твёрдо, но по лицу Виктор увидел, чего ей стоило оставить Рябь.

Впереди тропа расширилась. Он дотолкал мопед до ровного участка, снял термосумку с багажника и надел её на плечи. Из сумки выпали свёрток с репой и моток бечёвки.

Подбирать было некогда.

— Садись.

Мира не стала спорить. Виктор протянул ей шлем.

— Застегни под подбородком. Ноги на эти упоры. Держись за меня. В повороте не выпрямляйся резко.

— Я поняла.

Он проверил застёжку сам. Пальцы плохо слушались.

Сзади мелькнул Терен. Конь на узкой тропе тоже шёл медленно, но всадник уже поднял руку. В ней был небольшой арбалет.

Виктор повернул газ.

Бублик дёрнулся тяжело, натужно. Два человека, сумки, подъём. На мгновение Виктор решил, что перегрузил мотор и всё кончится здесь, в грязи.

Потом колесо зацепилось за твёрдый грунт.

Мира прижалась к его спине.

Щёлкнула тетива.

Что-то ударило по дереву рядом с правым зеркалом. Виктор пригнулся, не понимая, поможет ли это. Дорога прыгала перед глазами. Он смотрел только туда, куда собирался ехать, — между корнями, на светлый сухой край, мимо ямы.

Слишком резко тормозить нельзя. Газ на грязи открывать нельзя. Смотреть на реку тоже нельзя.

У ближайшего корня он сбросил скорость заранее. В городе такое движение давно стало привычкой; здесь от этой привычки зависело, удержатся ли они над обрывом.

Через минуту тропа выпустила их к старому огороду. Виктор свернул за плетень, проехал между голыми грядками и остановился у покосившегося навеса.

Дышать оказалось больно.

Мира отпустила его не сразу. Потом сняла шлем.

— Он стрелял.

Виктор кивнул.

— Я видел.

На рукаве куртки тянулся разрез. Под ним выступала кровь. Ветка или болт — он не знал.

Мира взяла его за руку, отогнула ткань и выругалась коротким незнакомым словом.

— Неглубоко.

— Хорошо.

— Ничего хорошего.

Она достала полоску полотна. Виктор стоял, пока она перевязывала предплечье, и смотрел на сплюснутую траву за навесом.

Ему хотелось уйти. Бросить письмо, мопед, князя, все местные дела. Найти дерево и стучать в камень, пока не откроется.

— Виктор.

Он поднял глаза.

— Сейчас к воде. Здесь старая лодочная пристань. Я знаю человека.

Мира говорила спокойно. Показывала рукой конкретное место между деревьями. Виктор проследил за её пальцем и снова смог представить, что делать дальше.

Он кивнул.

Это он мог сделать.

Глава 27. Переправа

Человека звали Ульь. Он жил под обрывом, в доме, пахнувшем рыбой, дёгтем и яблоками. Одно яблоко лежало на подоконнике, аккуратно вырезанное из дерева.

Ульь посмотрел на Миру, потом на Виктора, потом на мопед.

— Дорогу опять перемеряешь?

— Сегодня она сама переменилась. Нам на тот берег.

— Вы же с того пришли.

— Теперь нужно обратно. Ниже моста.

Ульь почесал подбородок. У него были широкие ладони и четыре пальца на каждой. Большой палец на весле лежал под странным углом, зато старик удерживал тяжёлое древко без усилия. Виктор отступил, освобождая ему место.

— Лодка тяжесть такую возьмёт? — спросил он, показывая на Бублика.

— Лодка возьмёт. Я ещё не решил.

Мира протянула ему деньги.

— За переправу. И ещё столько же, когда приведёшь мою лошадь. Она выше, у орешника. Серая, с белым пятном у левого глаза. Зовут Рябь.

Ульь не взял монеты.

— Кто за вами?

Виктор ответил раньше, чем Мира:

— Двое. Один со знаком гонца. Потребовали княжье письмо, потом стреляли.

Старик посмотрел на его перевязанную руку.

— И ты решил привести их ко мне.

Виктору стало стыдно.

— Мы уйдём. Только покажи, где ниже можно перейти.

Ульь вздохнул.

— Ниже можно утонуть. Лодку толкай.

Они вытащили из-под навеса широкую плоскодонку. Для мопеда пришлось положить две доски поперёк борта. Виктор снимал всё, что могло намокнуть: сумку, телефон, инструменты. Батарею вынимать не стал. Её замок после перехода через портал заедал, а ломать сейчас единственный транспорт было бы безумием.

— Если пойдёт набок, железо бросаем, — сказал Ульь.

Виктор посмотрел на Бублика.

— Понял.

Он растянул петлю, которой собирался привязать раму к борту. Если лодку потянет вниз, освобождать узел под водой будет некогда.

Посреди реки лодку подхватило течение. Ульь упирался длинным веслом, Мира помогала коротким. Виктор сидел возле мопеда и удерживал его за раму. Вода плескалась под сапогами.

Над берегом показался всадник.

Терен остановил коня у обрыва. Расстояние было большое, но Виктор узнал княжью попону.

Ульь поднял руку и показал ему что-то пальцами.

— Не надо, — сказал Виктор.

— Надо. Он мне ещё за прошлую переправу должен.

Мира коротко засмеялась. Смех оборвался почти сразу, но напряжение немного отпустило.

На другом берегу пришлось вытаскивать Бублика втроём. Виктор пообещал заплатить за доску, которая треснула под колесом. Уль наконец взял деньги Миры.

— Лошадь приведу к Утиному двору. Знаешь его?

— Знаю, — сказал Виктор.

Старик кивнул на перевязь.

— Тогда Тисе покажи. Она тебе объяснит, какой ты умный.

Когда лодка отошла, Мира села на траву.

Её руки дрожали.

Виктор опустился рядом. Он не стал говорить, что всё кончилось. До города оставалось несколько вёрст, письмо ещё было у них, а Терен знал другую дорогу.

Он просто дал ей воду.

И подождал, пока она сможет встать.

Глава 28. До закрытия ворот

По этой дороге Виктор ещё не ездил.

Мира знала её хуже, чем хотела показать. Здесь давно не возили лес: берег подмывало, старые колеи уходили в кусты. Дважды они возвращались к развилке. Один раз поднялись на холм только для того, чтобы увидеть впереди овраг.

— На карте есть проход, — сказала Мира.

— Когда его проверяли?

Она посмотрела вниз.

— Три года назад.

— Тогда проверим сами.

Это прозвучало мягче, чем он собирался. Мира кивнула.

Они спускались пешком. Виктор держал тормоз, Мира поддерживала мопед сзади. Рана на руке ныла. В плечо упиралась термосумка. Еда осталась за рекой, а последние сухие крошки из кармана он отдал Мире, сказав, что уже поел.

Она посмотрела на него и разделила крошки пополам.

К середине дня вышли к заброшенному кирпичному сараю. Дальше начинался нормальный просёлок.

Виктор обошёл Бублика, проверил колёса, зажал тормоза. На задней крышке блестел свежий порез, но воздух держался. Левая ручка руля чуть провернулась. Он подтянул её мультирулем.

— Опять чинишь? — спросила Мира.

— Проверяю, можно ли ехать вдвоём.

— Можно?

— Медленно. Если ноги не будешь ставить на землю в повороте.

— Я поняла ещё первый раз.

Он протянул ей шлем. Сам надел капюшон, хотя отлично понимал разницу.

Они поехали.

Мира держалась уже увереннее, не стискивала ему рёбра. На ровном участке Виктор позволил себе прибавить. Мотор тянул ровно. Ни одного процента не убыло.

На ровном участке он ненадолго убрал одну руку с руля, разжал затёкшие пальцы. Мира придержала сумку, чтобы та не тянула его назад. Теперь они хотя бы умели устраиваться на сиденье вдвоём, не мешая друг другу.

Потом он вспомнил болт возле зеркала, и смеяться расхотелось.

К Бережску они подъехали с юга. Главные ворота были видны издалека. Перед ними стояла очередь телег, и среди телег Виктор заметил знакомую попону.

Терен.

Он разговаривал со стражником.

Виктор остановился за пустым амбаром.

— Он раньше нас.

Мира выглянула из-за стены.

— Через огородную калитку.

— Её вечером закрывают.

— Ещё не вечер.

До калитки пришлось делать круг. Виктор больше не прятал мотор от случайных взглядов: на дороге никого не было, а времени оставалось мало. У последнего поворота они сошли, накрыли мопед тканью и толкали уже как обычную тележку.

Сторож у калитки узнал Миру.

— Вехи привезла?

— Привезла. Саву позови.

— Он занят.

— Скажи, гонец вернулся с Верхнего брода. И живой. Пусть пока никому больше не говорит.

Сторож перестал улыбаться.

Сава пришёл быстро.

Увидел руку Виктора, грязное платье Миры и накрытый тканью груз. Ничего не спросил.

— За мной.

Только в пустой комнате за конюшней он закрыл дверь и повернулся.

— Письмо?

Виктор вытащил тубус.

— Целое. Но отдавать буду князю.

Сава посмотрел ему в глаза.

— Правильно.

Глава 29. Доставлено лично

На этот раз князь не чинил замок.

В комнате находились ещё двое: седой писец и высокий человек в коротком боевом кафтане. На его поясе висел меч. Виктор старался не смотреть на рукоять.

Данимир выслушал рассказ до конца.

Тубус всё это время лежал перед ним. Печать он сломал только после того, как Виктор описал встречу за мостом.

— Бумага с приказом у вас?

Мира достала её из рукава. Край намок, но печать сохранилась.

Седой писец наклонился, посмотрел на оттиск и потянулся к собственной связке печатей.

— Старый малый яшень, княже. Его списали после пожара в архиве.

— Уничтожили?

Писец молчал.

Данимир не повысил голоса.

— Найди запись. Потом поговорим.

Он развернул ответ Харша.

Виктор стоял, сцепив руки за спиной. Повязка тянула кожу. Ему хотелось сесть, но он не знал, можно ли.

Мира подвинула к нему стул.

Князь поднял глаза и коротко кивнул. Виктор сел.

— Харш утверждает, что не получал платы за зерно. Без платы обоз не отправит. А казна деньги выдала восемь дней назад.

Данимир передал письмо человеку с мечом.

— Здесь имена получателей. Проверь.

— На четвёртый день зерна не будет, — сказал Виктор. — Он велел передать именно так. Даже если вы пришлёте ещё десять писем.

Князь взглянул на него.

— Дословно?

— Дословно.

Данимир медленно положил ладонь на стол.

— Значит, он ещё ждёт, что его станут уговаривать.

Мира развернула свои записи. Рассказала о гати, мосте и ложной росписи. Ни одного имени без доказательства не назвала. Виктор слушал и понимал, сколько она запомнила, пока он думал только о дороге.

Человек с мечом спросил:

— Как ушли от всадников?

Мира посмотрела на Виктора.

Он ответил сам:

— По береговой тропе. Потом рыбак переправил. Ульь. Живёт под обрывом. Ему не надо оставаться одному, если те вернутся.

Князь перевёл взгляд на воина.

Тот кивнул.

Виктор добавил:

— И лошадь Миры там. Он обещал привести, но лучше помочь.

На этот раз Данимир позволил себе короткую улыбку.

— Пережил нападение и вспомнил о чужой лошади. Сава тебя хвалил за хорошую память. Теперь верю.

Виктор покачал головой.

— Она там осталась из-за меня.

— Из-за людей, которые стреляли, — сказала Мира.

В комнате стало тихо.

Князь сложил письмо.

— Терен сейчас у главных ворот. Утверждает, что двух моих служащих унесла река. Если бы ты пришёл завтра, я бы получил его рассказ раньше твоего.

Виктор почувствовал холод под рёбрами.

— Он видел, как мы переправились.

— Теперь это знаю и я.

Данимир повернулся к человеку с мечом.

— Возьми живым. И найди, кто прислал его к воротам.

Потом снова посмотрел на Виктора.

— Поручение исполнено.

Виктор положил на стол пустой чехол от тубуса. Он всё ещё держал его в руке, хотя письмо давно было у князя. Только теперь удалось разжать пальцы.

Глава 30. Плата за дорогу

После разговора с князем Виктор не сразу смог найти комнату, где оставил мопед.

Он дважды прошёл мимо нужной двери. Во дворе было много одинаковых стен, а в голове — мало мыслей, которые удавалось удержать. Сава догнал его у конюшни, молча повернул за плечо и проводил обратно.

— Сядь.

— Мне вещь забрать.

— Вещь подождёт.

На лавке лежала его сумка. Один ремень вытянулся, другой разошёлся возле новой кожаной петли. На дне осталось немного речной воды. Виктор открыл клапан, вытащил инструменты, осмотрел насос. Насос был цел.

Сава поставил перед ним кружку.

— Пей. Это просто вода.

Виктор выпил половину и вдруг обнаружил, что не может перестать дрожать. На дороге такого не было. Там нужно было ехать. Теперь путь кончился, и тело решило предъявить всё сразу.

Сава не смотрел. Стоял у двери, заслоняя Виктора от двора.

— Я письмо чуть не отдал, — сказал Виктор.

Слова вырвались сами.

— Но не отдал.

— Печать была правильная. Знак. Всё.

— Бывает.

— А если в следующий раз ошибусь?

Сава повернулся.

— Ошибёшься. Все ошибаются. Потому и нужны люди, которые заметят раньше, чем поздно.

Виктор потёр лицо здоровой рукой. Ему хотелось услышать что-то другое: что следующего раза не будет, что он уже достаточно доказал, что теперь можно просто возить травы и пироги. Но Сава не собирался обещать вещи, которыми не распоряжался.

В комнату заглянула Мира. На её щеке выступила длинная красная полоса — ветка. Виктор раньше не заметил.

— За Рябью пошли? — спросил он.

— Пошли, — ответила она. — И за Уллем тоже. Не считай всё сам.

Она присела рядом и положила на лавку кусок хлеба. Виктор отломил половину и протянул ей. На этот раз она взяла сразу.

Сава ушёл позвать лекарского помощника. Тот посмотрел на рану, промыл водой с резким запахом и наложил временную перевязь. Велел вечером сменить. Виктор спросил, сколько должен.

— Двор заплатит.

— А если ещё понадобится?

— Придёшь. Рука твоя, служба княжья. Обе должны работать.

После этого Мира помогла отвести мопед в сокольню. Сава не пошёл следом, хотя Виктор видел, что накрытая рама его интересует. Старший гонец только сказал не хранить там мокрый холст: дерево преть начнёт.

В соколье Виктор снял дождевик. На раме тянулась новая царапина, у крепления багажника ослабла гайка. Он хотел сразу взяться за мультитул, но Мира забрала инструмент.

— Завтра.

— От тряски хуже станет.

— Сегодня он никуда не поедет. Ты тоже.

Она заперла дверь, проверила замок и вернула ключ. Виктор подержал его в ладони. Из всех вещей, которые ему сегодня вручили, этот маленький ключ был самым спокойным.

У Тисы его ждали горячая вода и выговор. Виктор заранее приготовился к обоим и пошёл пешком, не пытаясь сократить дорогу.

Глава 31. Что ты мне должен

Тиса обругала его долго и обстоятельно.

За грязную повязку. За то, что не ел. За чужую рубаху, которую умудрился испортить. За сапоги, поставленные возле печи слишком близко.

Потом промыла рану, наложила чистое полотно и принесла миску горячей похлёбки.

Виктор держал ложку здоровой рукой.

— Ты Миру тоже так ругаешь?

— Мира умеет сама себя ругать. Ей помощь не нужна.

Она присела напротив.

— Ты домой-то писать будешь?

Виктор перестал есть.

— Не получится.

— Родные есть?

— Есть.

— Тогда пиши. Не отправишь сейчас — отправишь потом.

Тиса сказала это буднично, как совет поставить сапоги дальше от огня. Виктор не нашёл, что ответить.

После ужина он поднялся на сеновал, достал телефон и включил.

Пятнадцать процентов.

Сети не было. Часы продолжали считать время, совершенно не интересуясь местным календарём. В записках сохранились список покупок, номер домофона и обрывок сообщения, которое он собирался отправить матери ещё до смены.

«Приеду в воскресенье. Если не будет дождя».

Виктор долго смотрел на эти слова.

Потом создал новую записку.

«Мам, я жив. Не знаю, когда смогу вернуться. Со мной всё...»

Он стёр последнее. Мать услышала бы ложь даже в этих двух словах.

«Сегодня было плохо. Сейчас лучше. Здесь есть люди, которые мне помогают. Ты бы их кормила, пока они не попросили пощады».

На этом остановился. Сохранил записку, выключил телефон и положил его в сухой карман сумки.

Внизу хлопнула дверь.

Мира пришла без карт. В руках держала маленький свёрток.

— Твоя рубаха, — сказала она. — Писцу вернула другую. Он просил больше не брать его вещи на войну.

— Я заплачу.

— Уже заплачено из княжских денег.

Они вышли во двор. Воздух был холодным. В лужах отражались две луны, и Виктор уже не вздрагивал каждый раз, когда видел вторую.

— Я тебе должен, — сказал он.

Мира остановилась.

— За что?

— Ты скрыла мопед. У князя.

— Я не говорила о нём.

— Это почти одно и то же.

Она подумала.

— Тогда должен объяснение. Когда сможешь. Не сейчас, если не можешь.

Виктор провёл ладонью по лицу.

— Я не из другого княжества.

Мира ждала.

— Гораздо дальше. У нас нет ваших дорог. И ваших лун нет. Я не знаю, как сюда попал.

Был проход, я въехал — и оказался у Старой гати.

Он говорил негромко, боясь услышать собственные слова со стороны.

Мира не засмеялась.

— У камня между двумя стволами?

Виктор поднял голову.

— Ты знаешь?

— Знаю место. Дед называл его Возвратным. Только ничего про другие луны не рассказывал.

Она помолчала, потом спросила:

— Ты хочешь вернуться?

Он мог сказать «не знаю» и оставить себе удобную отсрочку. Но Мира ждала ответа, держа в руках починенную для него рубаху.

Виктор не сумел.

— Да.

Мира медленно кивнула.

— Тогда будем искать дорогу.

И отвернулась к воротам прежде, чем он успел увидеть её лицо.

Глава 32. Обратный адрес

Рябь привели на следующий день.

Кобыла была сыта, сердита и позволила Мире обнять себя за шею исключительно из снисхождения. Ульь пришёл вместе с ней. За стариком шли двое княжских стражников.

— Сопровождение, — пояснил он Тисе. — Дожил. Раньше только провожали, и то обычно палкой.

Тиса поставила перед ним кружку.

— Сначала пей, потом ври.

Виктор расплатился за сломанную доску. Ульь попытался отказаться, но он всё-таки положил монеты на стол.

— Ты говорил, лодка возьмёт. Она взяла. Доску мы сломали.

Старик сгрёб деньги.

— Нудный ты. Приезжай как-нибудь без погони.

Сава появился ближе к полудню. Принёс новый служебный знак, кошель с платой и маленькую восковую дощечку.

— Для записей. Мира сказала, ты начинаешь читать.

— Начинаю путать буквы.

— Это и есть начало.

Терена взяли у ворот. Поддельное поручение он получил от человека в сером плаще, имени не знал или не называл. Певень исчез из Верхнего брода до прихода княжских людей. Харш остался на месте и клялся, что ничего о нападении не ведал.

— Князь верит? — спросил Виктор.

— Князь проверяет.

— А зерно?

— Послали другого казначея. Обоз пойдёт под охраной. Твоя работа на этот раз помогла.

Сава постучал по дощечке.

— С завтрашнего дня дальние поручения получаешь у меня. Ничего на стороне без записи. Если велют передать письмо другому — возвращаешься и спрашиваешь.

Виктор посмотрел на него.

— Даже если срочно?

— Особенно если срочно.

Виктор убрал дощечку рядом с инструментами. Ещё недавно он считал своим рабочим снаряжением только мопед и сумку. Теперь к ним прибавлялись вещи, без которых мотор не помогал.

Вечером Виктор пришёл в сокольню. Проверил заднее колесо, очистил тормоз от засохшей грязи, подтянул крепление сумки. Надрез на крышке закрыл временной защитной накладкой из плотной кожи. Надолго её не хватит, но другого материала пока не было.

Бесконечный заряд оставался единственной вещью, о которой Бублик заботился сам.

Мира вошла, когда Виктор заканчивал.

— У меня есть карта Старой гати. Очень старая. Завтра покажу.

Он выпрямился.

— Спасибо.

Она положила на ящик свёрток.

— Ещё одна вещь. Подрамник для дорожных листов. Можно закрепить здесь, над твоими огнями. Будешь видеть схему и не доставать её каждый раз.

Виктор взял деревянную рамку. На нижнем крае были вырезаны две маленькие буквы.

Его имя. Первые две буквы имени.

— Сама сделала?

— Попросила столяра. Размеры сняла, пока ты спал у Тисы.

— Ты всё время думаешь о моей работе?

Мира подняла бровь.

— Не всё время.

Он поставил рамку на ящик. Шагнул ближе, остановился.

— Можно тебя поцеловать?

Она улыбнулась уже без насмешки.

— Вот теперь ты спросил правильно.

Поцелуй вышел коротким. У Миры были холодные губы и тёплые ладони. Виктор обнял её осторожно, чтобы не задеть больную руку, и она сама придвинулась ближе.

За стеной кто-то вёл лошадь. Скрипели ворота. Из нижнего двора доносился голос Сава, который требовал немедленно найти пропавший мешок.

Сава повторил требование громче. Мира улыбнулась, прижавшись лбом к плечу Виктора. Их, к счастью, звали не за мешком.

Мира отстранилась первой.

— Я помню, что ты хочешь домой.

Виктор кивнул.

— И всё равно сейчас хочу быть здесь.

Она посмотрела на него внимательно, потом коснулась пальцами его щеки.

На следующее утро Мира принесла второй ключ от сокольной. Теперь Виктор мог забирать мопед, не разыскивая её по всему двору.

В конторе Сава выдал первое поручение новой недели.

Виктор сумел прочитать своё имя. Остальное пришлось разбирать по буквам.

Адрес оказался знакомым.

Старая гать.

Глава 33. Жалованье хранителя

Сава отсчитал деньги дважды: сперва на стол, потом обратно в мешочек. Виктор наблюдал за его пальцами и старался не смотреть на Миру, которая стояла у двери с перевязанными шнуром рейками. После вчерашнего поцелуя обычная встреча при посторонних почему-то оказалась сложнее погони. Мира держалась совершенно спокойно. Только уголок её рта дрогнул, когда Виктор вместо мешочка взял со стола пустую чернильницу.

— Ерему на Старую гать, — сказал Сава. — За две недели и за масло. Последний гонец до него не дошёл: в ведомости написал, что станция пустая. А вчера угольщик видел дым. Заодно отвези новую роспись, пусть знает, какие обозы ждать.

— Может, старик просто ушёл за дровами?

— Поэтому ты сначала постучи. А потом уже решай, исчез ли человек с лица земли.

При пересчёте выяснилось, что одну медную монету проела зелень. Сава заменил её и попросил не давать Ерему старую: в лесу менять деньги негде. Виктор машинально запомнил эту мелочь. У поручения с казённой росписью внезапно появился вес живого человека, которому придётся купить соль и ламповое масло.

Мира ехала измерять обход к северной просеке. Весной вода снесла там настил, а дорожное ведомство по-прежнему назначало на тот путь тяжёлые подводы. Её работа удобно совпала с его поручением, и Виктор испытал благодарность к обстоятельствам, хотя подозревал, что обстоятельства носили одно ухо и прекрасно всё замечали.

За последними огородами он вывел Бублика из кустов. Сумку прикрыл холстом, индикатор проверил ладонью от солнца: шестьдесят четыре. Покрышка с внутренней кожаной накладкой выглядела нелепо, но держала. Мира дождалась, пока он подтянет ремень, и первой свернула на лесную дорогу. Рябь двигалась охотно, иногда оглядываясь на низкую чёрную вещь, которая не пахла лошадью и не имела приличия уставать.

У раздвоенного дерева Виктор остановился раньше, чем увидел камень. Под рёбрами сжалось знакомое: мокрый асфальт, чужая фара, белая полоска поперёк проезда. Он ожидал, что место его появления будет важным на вид. Вместо этого на ветке висела старая рукавица, а у корней лежала лосиная челюсть.

Домик хранителя нашёлся за поворотом. Дым шёл из жестяной трубы, дверь упиралась в вывороченный пенёк. Старик в кожаном фартуке встретил их с ковшом, которым черпал воду из ямы прямо посреди пола.

— Плату? — переспросил он. — Живым, стало быть, снова признали. Ставьте на сундук, только на левую половину. Правая мокрая.

Ерем не походил на хранителя тайных дорог. У него были красные веки, на шее болтался костяной свисток, сапоги по-разному скрипели. Он пересчитал деньги, отдал Савину расписку Мире для чтения и велел Виктору подержать дверь, пока вынесет последний ковш.

Под сундуком обнаружилась не лужа, а тонкая струйка, бившая из трещины в каменном основании. Ерем заткнул её деревянным клином. Вода пошла рядом.

— Позавчера началось. Когда забрали нижнюю плиту. Говорил им: эта сторона держит болотце. Ответили, что у меня старые представления.

Мира присела у трещины. Положила рейку, отметила угол. Виктор перенёс мешок с мукой на сухое место и лишь тогда спросил, кто забрал плиту.

— Служба дорог. Бумага была, печать была. Соглашаться забыли спросить.

Снаружи негромко звякнул колокольчик Бублика. Виктор обернулся: мопед стоял неподвижно, ветра не было. Ерем перестал вытирать руки.

На верёвке под крышей висели деревянные метки, вырезанные разными руками. На одной была птица, на другой крест. Виктор принял их за украшение, но Мира прочла

два имени. Так хранитель отмечал, кто прошёл станцию и должен вернуться. На самой старой метке мох закрыл половину зарубок.

— Чья тележка?

— Моя.

Старик вышел во двор, остановился в трёх шагах от заднего колеса и посмотрел на раздвоенное дерево. Лицо его вдруг сделалось таким внимательным, словно он услышал ночью стук давно умершего знакомого.

— Не катите пока к камню, — сказал он. — У меня сегодня крыша и без того течёт снизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.